PC
P60

РОДИНА

н... скептицизмомъ Толэндъ. Началъ
ософскую пропаганду въ духѣ своего уч
бразность христіанства съ разумомъ тѣм
такого, что́ бы противорѣчило разуму
еса и откровеніе вообще онъ оставляет
и, только таинства считаетъ остатками
каніе и духъ главнаго философскаго
осящагося къ этому первому періоду его
аніе озаглавлено такъ: Христіанство
anity not mysterious). Но во всѣх
яхъ Толэндъ становится уже отъявлен
истомъ и разрываетъ всякую связь н
и съ вѣрою въ личнаго Бога. Поло
езсмертіи души провозглашаются об
и для того, чтобы управлять ма
игія, по его мнѣнію, есть п
илъ себѣ ученіе Спинозы, п
ъ и безконечно существую

1

РОДИНА

СБОРНИК ВЫСКАЗЫВАНИЙ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
О РОДИНЕ

ПРОВ-59

ЦКХ

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1942

ОТ РЕДАКЦИИ

Русский народ выдвинул великих писателей, которые отразили в своих произведениях его жизнь и борьбу, его страдания и подвиги, его героическое прошлое, его чаяния и надежды, его мечты о лучшем будущем, о справедливом общественном строе. Художественная литература и критика имели исключительное значение в развитии общественного самосознания нашей страны.

«Наша литература — наша гордость, — писал А. М. Горький — лучшее, что создано нами, как нацией. В ней — вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день горят умы великой красы и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников. И все они, правдиво и честно, освещая понятое, пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его!»

Классики марксизма-ленинизма высоко ценили русскую литературу. Ф. Энгельс отмечал «превосходные романы» русских писателей. В. И. Ленин говорил о «всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература» (том IV, стр. 381). Владимир Ильич гордился русским искусством. Творчество Льва Толстого Ленин рассматривал и «как зеркало русской революции» и «как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (том XIX, стр. 400).

Русская литература по праву занимала особое место среди европейских литератур. В центре внимания русских классиков стояла борьба за освобождение человека. Лучшие русские художники не замыкались в узком кругу личных переживаний, не создавали произведения для избранных. Нет! Судьбу отдельного человека они рассматривали как часть судьбы своего народа. Общественный характер искусства особенно ярко отражен в русской литературе. Русские писатели сумели гармонически соединить в своих произведениях величавый пафос освободительных идей с высоким поэтическим мастерством. Русское искусство стало средством познания жизни и орудием борьбы за ее переустройство. Сила классической русской литературы — в ее народности. Наши писатели, каждый по-своему, горячо любили родную страну, родной народ, изумительный русский язык. Они по праву гордились своим народом. Русский народ построил многонациональное великое государство, раскинувшееся на территории двух частей света. Он отстаивал его целостность и государственную независимость, ведя ожесточенные бои с врагами. Доблесть русских воинов и искусство русских полководцев известны всему миру. Русский народ создал замечательную культуру. Русская литература, русская музыка и русская живопись поражают весь

мир глубиной своих идей и величавой красотой русского гения. История русского народа показывает всему человечеству его государственную мудрость, его воинскую доблесть, его талантливость.

В этой книге собраны отрывки из художественных произведений, критических и публицистических статей наших наиболее выдающихся писателей. Сборник не претендует на исчерпывающую полноту. Здесь отобраны лишь те прямые высказывания русских писателей о родине, которые не требуют специальных историко-литературных комментариев. Поэтому в книгу почти не включены отрывки повествовательного характера. Сборник состоит из ряда разделов, каждый из которых объединяет отрывки из произведений отдельного писателя. Материал внутри раздела расположен по смысловому принципу: наиболее важные высказывания выдвинуты на первый план.

Все эти патриотические высказывания наших классиков созвучны современности — русские писатели отразили в них национальные черты русского народа: его свободолюбие, любовь к родине, готовность бороться и умереть за родную землю и родной народ. Приведенный материал ярко подтверждает известное положение В. И. Ленина об искусстве. «Искусство принадлежит народу, — говорил Владимир Ильич. — Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их».

Мы живем в дни великой отечественной войны. Фашизм пытается уничтожить наше государство, разрушить нашу культуру, превратить в рабов свободных людей. Красная Армия сражается за человеческую культуру против современного варварства. И наши великие писатели и поэты, горячо любившие родину и народ, звавшие к борьбе за свободу и за расцвет всех способностей человека, —они сегодня с нами в этой великой борьбе.

Враг еще силен. В великой освободительной войне закаляются характеры, крепнет мужество, растет народный гнев и ненависть, готовность биться до последней капли крови за родную землю, за свой народ, за свою культуру. Ленин учил: искусство объединяет «чувство, мысль и волю» народа. Великие русские писатели беззаветно любили свою родину, отдавали свою жизнь за ее счастье и свободу, вдохновляли на подвиги. Наш народ — наследник великих традиций многовековой освободительной борьбы.

И мы верим: как бы ни был силен враг, — не восторжествовать варварству над культурой, лжи над правдой, тьме над светом. Мы помним слова нашего великого Пушкина:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Сборник «Родина» выходит под редакцией тт. А. Еголина, Е. Михайловой, А. Мясникова, В. Орловой, И. Розанова, Н. Рубинштейна, М. Юнович.

Поведем же, братья, повесть свою
От старого Владимира
До нынешнего Игоря,
Что стянул ум мощностью своею
И заострил сердце свое мужеством;
Исполнившись ратного духа,
Повел свои храбрые полки
На землю половецкую
За землю русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце
И увидел: от него тьмою
Все его войско покрыто.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше уж убитым быть,
Нежель полоненным быть.
Сядем-ка, братья, на своих борзых коней
Да посмотрим синего Дону!»

Пылкость князю ум полонила,
Жажда ему знаменье заслонила:
Отведать Дону великого.
«Хочу я, — сказал, — копье сломить
На конце поля половецкого
С вами, русичи!
Хочу я голову сложить, —
А либо испить шеломом Дону!»

О, Боян, соловей старого времени!
Если б ты те походы со щекотом пел,
Скача — соловей! — по дереву мысли,
Летая умом под облаком,
Свивая в славе
Оба края нашего времени,
Рыща тропой троянской
Чрез поля на горы, —
Пелась бы так песнь Игорю,
Того Олега внуку:
«Не буря соколов занесла
За степи широкие, —
Галочьи стаи бегут
К Дону великому...»
Иль так воспеть бы должно,
Вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новом-Городе,
Стоят стяги в Путивле...»

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай, брат, своих борзых коней, —
А мои уж готовы,
Оседланы у Курска заранее.
А мои-то куряне
Под шеломами повиты,
С конца копья вскормлены.
Пути им ведомы,
Овраги им знаемы.
Луки у них натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли изострены, —
Сами скачут,
Словно серые волки в поле,
Ища себе чести,
А князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь
В золотое стремя
И поехал по чистому полю.

Солнце ему тьмою
Путь заступало;
Ночь, стеная,
Ему грозою птиц разбудила.
Звериный встал свист.
Див кричит высóко на дереве,
Велит послушать земле неведомой, —
Волге, и Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуни,
И тебе, тмутораканский кумир!
А половцы нетóренными дорогами
Побежали к Дону великому.
Скрипят телеги в полуночи,
Что лебеди вспугнутые.

Игорь к Дону войско ведет,
И уже Беда его
Пасет птиц по дубам,
Волки грозу навывают
По оврагам,
Орлы клектом на кости
Зверей зовут.
Лисицы брешут
На червленые щиты.
О, русская земля,
Уже за курганом ты!
Долго ночь темнеет;
Заря свет запалила;
Мгла поля покрыла;
Щекот соловий уснул,
Говор галочий встал.
Русичи великие поля
Червленными щитами преградили,
Ища себе чести,
А князю славы.

В пятницу рано поутрýю потоптали
Поганые полки половецкие
И, рассыпавшись стрелами пó полю,
Помчали красных девок половецких,
А с ними золото и шелка
И дорогой рытый бархат.

Покрывалами, и плащами, и шубами
Стали мосты мостить...

Дремлет в поле храброе гнездо Олегово, —
Далече залетело.
Не было оно
На обиду порождено
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон,
Поганый половчанин!
Гза бежит серым волком,
Кончак ему вслед
Правит к Дону великому.

На другой день ранним-рано
Кровавые зори свет возвещают.
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца, —
А в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
Итти дождю стрелами
С Дону великого!
Тут и копьям преломиться,
Тут и саблям притупиться
О шеломы половецкие
На реке на Каяле
У Дона великого.
О, русская земля,
Уже за курганом ты!

Из «Слова о полку Игореве», 1185—1186.
Перевел С. Шервинский

О светом светлая, украшеньем украшенная
Земля русская!
И многими красотами удивляешь ты:
Озерами многими удивляешь ты,
Реками и колодцами почитаемыми,
Горами крутыми, холмами высокими,
Дубравами чистыми, полянами дивными,
Зверями различными, птицами бесчисленными,
Городами великими, селами дива достойными,
Садами монастырскими,
Домами церковными;
И князьями грозными, боярами честными,
Вельможами многими.
Всего ты исполнена, земля русская,
О, правоверная вера христианская.
Отсюда до угор и до ляхов, от ляхов до чехов,
От чехов до ятвигов, от ятвигов до литовцев и немцев;
От немцев до корелов, от корелов до Устьюга,
Где живут язычники тоимцы,
И до Белого дышущего моря; и от моря
До волжских болгар, от болгар до буртасов,
От буртасов до черемисов, от черемисов до мордвинов —
Все было покорено богом христианскому народу.
Поклонились языческие страны
Великому князю Всеволоду,
Отцу его Юрию — князю киевскому,
Деду его Володимиру Мономаху.
Мономахом половцы своих детей
Еще в колыбели стращали,
Литовцы из болот на свет не выходили,

А угры укрепляли каменные стены
Железными воротами, боясь,
Чтоб князь Володимир
В города не вошел.
А немцы радовались — далеко будучи
За синим морем.
Буртасы и черемисы, водь и мордва
Дань платили медом лесным
Князю великому Володимиру.
А Мануил — цареградский владыка,
Опасаясь Руси князя,
Обильные и великие дары
Посылал ему, чтоб только
Великий князь Володимир
Цареграда не брал.
И во все дни сожалеют христиане князей
От великого Ярослава и до Володимира,
И до нынешнего Ярослава, и до брата его
Юрия — князя володимирского.

Из «Слова о погибели русской земли»,
XIII век. Перевела Н. Белинович

М. В. Ломоносов

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих!
О ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать!..

Из оды 1747 г.

Повелитель многих языков, язык Российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным Россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто не упрежденный великими о других мнениями простpет в него разум, и с прилежанием вникнет; со мною согласится. Карл пятый Римский Император говаривал, что Ишпанским языком с богом, Французским с друзьями, Немецким с неприятельми, Италиянским с женским полом говорить прилично. Но, естьли бы он Российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие Ишпанского, живость Французского, крепость Немецкого, нежность Италиянского, сверьх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческого и Латинского языка... Сильное красноречие Цицероново,

великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на Российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не может; не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее Философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле, или, лутче сказать, едва пределы имеющие море.

Из «Посвящения Российской Грамматики», 1755

...Однако дух еще стремится,
Еще кипит сердечный жар,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза, усугубь твой дар,
Гласи со мной в концы земныя,
Коль ныне радостна Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы,
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Сидит и ноги простирает
На степь, где Хинов отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вкруг довольства исчисляет,
Возлегши локтем на Кавказ.
Се нашею, рекла, рукою
Лежит поверженный Азов;
Рушитель нашего покою
Огнем казнен среди валов.
Се знойные Иркански бреги,
Где, варварски презрев набеги,
Сквозь степь и блата Петр прошел,

В средину Азии достигнул,
Свои знамена там воздвигнул,
Где день скрывали тучи стрел.

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютости Борея,
Чудовищам дерзают в след,
Где верх до облак простирает
Угрюмы тучи раздирает,
Поднявшись с дна морского, лед.

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где Лев гордящийся упал
С торжественныя колесницы,
При коей в узах он держал
Сарматов и Саксонов пленных
И двигал в мыслях вознесенных
Одной вселенную рукой.
Но пал; и токмо звук достигнул
Фракийских гор, и их подвигнул,
Дунай, с твоею быстриной.

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева.
Златой порфирою блистает,
Покрыта лаврами глава.
Там равным жаром воспаленны
Сердца, как храмы освещенны
В исполненной утех ночи.
О сладкий век! о жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны облистал лучи.

Сие Россия восхищенна
В веселии своем гласит...

Из оды 1748 г.

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел,

И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах...
. . . . . .
Герои храбры и усерды,
Которым промысл положил
Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил,
В защиту нашей Героине,
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греметь в подсолнечной концы.

Из оды «Екатерине Второй», 1762

Крепит отечества любовь
Сынов Российских дух и руку:
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку,
Как сильный лев стада́ волко́в,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом.
. . . . . .
Шумит с ручьями бор и дол;
Победа, Росская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боится собственного следа.

Из оды «На взятие Хотина», 1739

...Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С брегов вечерних на восток,
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок...

Из оды 1752 г.

Но грады Росские в надежде,
Котора их питала прежде,
Подвиглись слухом паче тех,
Верхами к высоте несутся,
И тщатся облакам коснуться.
Москва, стоя в средине всех,
Главу великими стенами
Венчанну взводит к высоте,
Как кедр меж низкими древами,
Пречудна в древней красоте.

Из оды 1754 г.

...Парящей слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?
Еще ль, смотря на рок Саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем?
Лишенный собственныя власти,
Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

. . . . . .

За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут;
И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близь гремя, трясут.

Еще не допустя до року,
С отвагой сопрягшись, талан
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ран.
Цорндорфские пески глубоки,
Его и нашей крови токи,
Соединясь, кипели в вас!
Нам правда отдает победу;
Но враг такого после вреду,
Еще дерзает против нас...
Ни Польские леса глубоки,
Ни горы Шлонские высоки

В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Чрез трупы к Франкфуртским стенам!
. . . . . .

Внезапно с шумом, ревом, стоном,
Преобратился в сонмы вод.

Бегущих горды Пруссов плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи:
Главы валятся, как листы.
Теперь с готовыми трубами
Перед Берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук:
Что ваш король, полки, снаряды,
Не могут нам подать отрады,
Рассыпаны от наших рук.

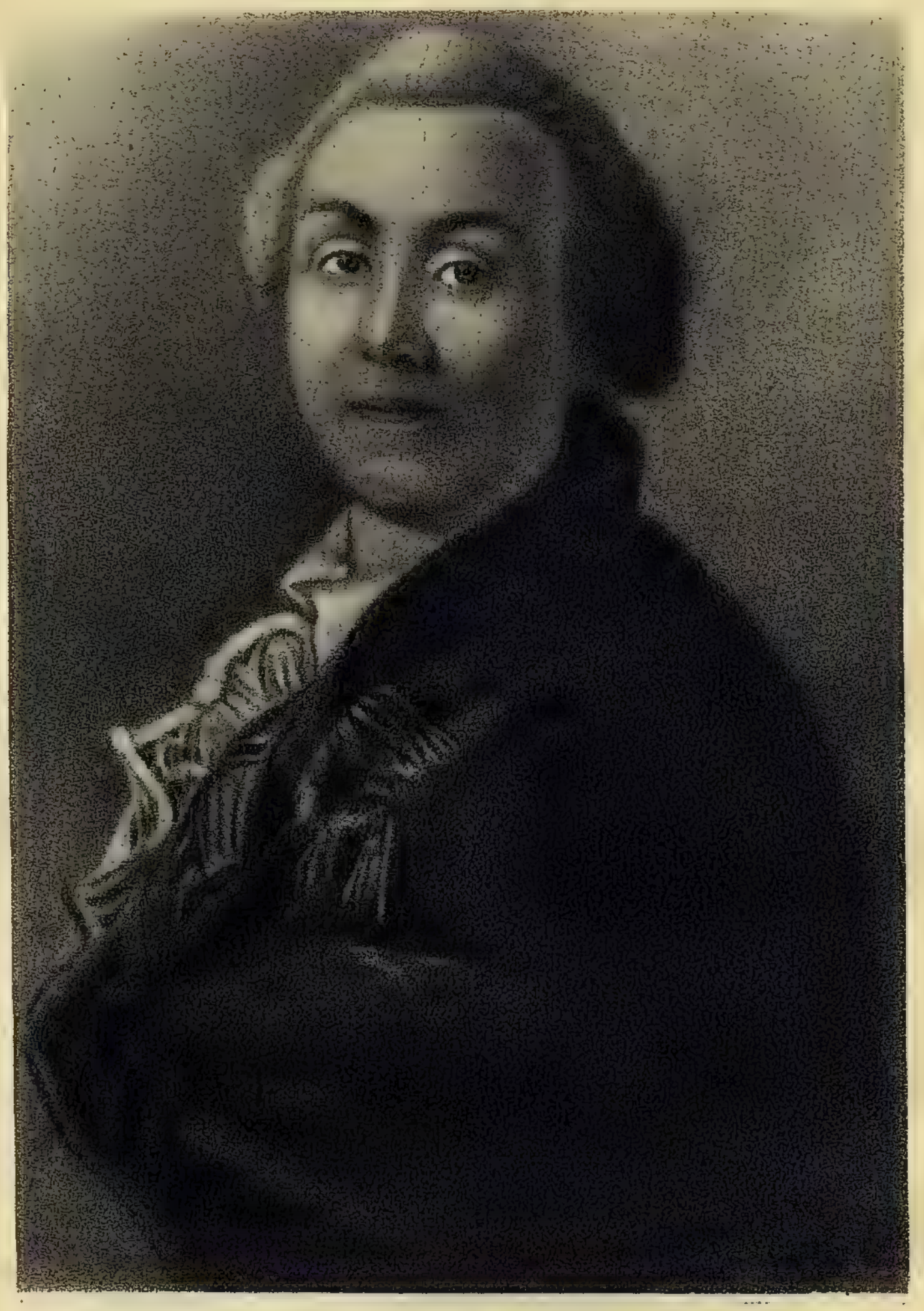
О честь Российского народа!
В дни наши воинов пример,
Что силой первого похода
Двукратно супостатов стер!
Тебе тот лавры уступает,
Кто протчим храбро исторгает;
Кто вне привыкнул побеждать,
При дверях дом свой защищая
И крайни силы напрягая,
Не мог против тебя стоять.

Из оды «На победы над прусским королем», 1759

Европа, ныне восхищенна,
Внимая смотрит на Восток
И ожидает, изумленна,
Какой определит ей рок...
Германия, сему подобно,
По собственной крови плывет,
Во время смутно, неспособно
Конца своих не видит бед...

Из оды 1762 г.

Михайло Ломоносовъ.



A. Chekhov.

А. П. Сумароков

Пусть молнии по сфере блещут,
В дуброве слышен ветров лом,
Леса и горы вострепещут,
И поколеблет землю гром:
Не убоятся храбры Россы
И свергнут стены и колоссы,
Являя свой геройский труд;
Победу сильну кровью купят,
На василиска зла наступят,
Льва, тигра, аспида попрут!
Периклов и Алкивиядов
России суждено рождать:
Противу неприступных градов,
Ступайте Россы побеждать.
Сыны Российския Алькмены
Проломят самы тверды стены
И гордости низложат рог,
Неправду, злобу востревожат
И лютых Гидр они низложат...

Из оды 1762 г.

Библиотека

Г. Р. Державин

...А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет:
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огнь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

Из стих. «На взятие Измаила», 1790

...О русска грудь неколебима!
Твердейшая горы стена,
Скорей ты ляжешь трупом зрима,
Чем будешь кем побеждена.
Не раз в огнях, в громах, средь бою
В крови тонувши ты своей
Примеры подала собою,
Что Россов в свете нет храбрей...

Из стих. «На мир», 1807

...Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна

От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край Росса весь.
Но, буйные! где сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узнал свои он силы?
Почто вмещались в сонм вы злых
И с нами разорвав союзы,
Грабителям подверглись в узы
И сами укрепили их?
Где царственны, народны правы?
Где, где германски честны нравы?
Друзья мы были вам всегда,
За вас сражались иногда;
Но вы, забыв и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты...
...О Росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты — неутомимый,
По духу ты — непобедимый,
По сердцу — прост, по чувству — добр,
Ты в щастьи тих, в нещастьи бодр...

Из стих. «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года»

Н. М. Карамзин

В чьих жилах льется кровь Героев;
Кто сердцем муж, кто духом Росс:
Тот презри негу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабых душ!

Туда, где знамя брани веет,
Туда, где гром войны гремит, —
Где воздух стонет, солнце меркнет,
Земля дымится и дрожит;

Где жизнь бледнеет и трепещет;
Где злобы, клятвы, ада дщерь, —
Где смерть с улыбкой пожирает
Тьмы жертв, и кровь их жадно пьет, —

Туда спеши, о сын России!
Разить бесчисленных врагов!
Как столп огня, палящий нивы,
Теки, стремись по их рядам!

Перуном будь, и стрелы грома
Бросай на них и всех губи!
Да в буре гнева глас промчится:
Умри, умри России враг!..

Из стих. «Военная песнь», 1788

...Поля усеяны костями,
Все пламенем истреблено.
Не грады, только честь спасаем!..

О славное Бородино!
Тебя потомству оставляем
На память, что России сын
Стоит против двоих один!
А ты, державная Столица
Градов Славянских мать-Царица.
Создание семи веков,
Где пышность, нега обитали,
Цвели богатства, плод трудов,
Где храмы лепотой сияли...

...Москва! прощаемся с тобою
И нашей собственной рукою
Тебя мы в пепел обратим!
...В твоих развалинах найдет
Враг мира гроб своих побед.

Свершилось... дымом омраченный,
Пустыней, пеплом окруженный,
Узрел он гибель пред собой.
Бежит!.. но бог с седым Героем [1]
Шлет казнь из тучи громовой:
Здесь воины блестящим строем,
Там ужасы зимы и глад
Его встречают и мертвят.

...Свободны мы, но в рабстве мир:
Еще тиранов цел кумир.
Еще Европа в изумленье;
Но скоро общее волненье
Вселяет мужество в сердца.
Гласят: «и мы хотим свободы,
И нашим бедствиям конца!
Подвиглись троны и народы;
Друг с друга в гневе цепи рвут
И с яростью на бой текут...

...Ничто все хитрости искусства
Против восторга, правды чувства,
Толпы Героев и Вождей
Война народная рождает...

---

[1] Кутузовым.

. . . . . .
...Стократно в битвах одоленный,
Иссохших лавров обнаженный,
Ознаменованный стыдом,
Тиран перун угасший мещет —
И се последний грянул гром,
И новый Вавилон трепещет;
Колосс-Наполеон падет...
...Земли подвиглось основанье!
Гремит народов восклицанье!
Он пал! он пал! кипят сердца:
К надеждам счастью оживают.
Как дети одного отца,
Все, все друг друга обнимают...
Он пал! в восторге целый свет!
Народы братья! Злобы нет!..

Из стих. «Освобождение Европы», 1814

А. Н. Радищев

Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении — суть качества, отличающие народ российский. О народ, к величию и славе рожденный! Если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!

Из «Сокращенного повествования о приобретении Сибири»

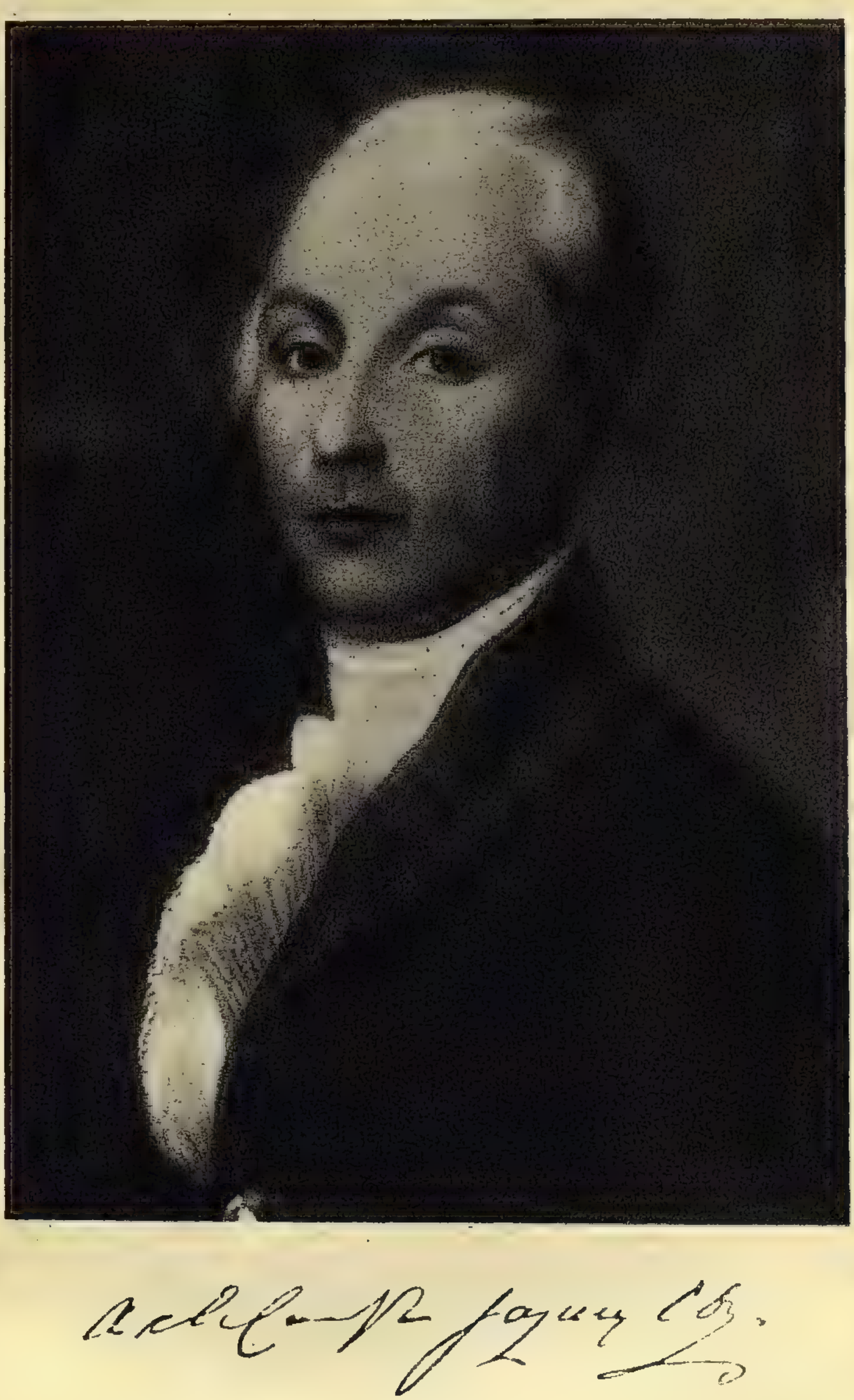
О! если бы тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Но мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие.

Из «Путешествия из Петербурга в Москву», 1789

Из недр развалины огромной,
Среди огней кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной,
Что лютый дух властей возжег—
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтил слепец своим отцом.

Из оды «Вольность», 1781—1783

Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). — Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем... Кому не известно, что имя сына Отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту, или другому бессловесному животному? Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому... Но в ком заглушены сии способности, сии человеческия чувствования, может ли украшаться величественным именем сына Отечества? Он не человек, но что? он ниже скота... Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества! — Но где он? где сей украшенный достойно сим величественным именем? — Не в объятиях ли неги и любострастия? Не объятый ли пламенем гордости, любоначалия, насилия? — Не зарытый ли в сребролюбии, зависти, зловождении, вражде и раздоре со всеми, даже и теми, кои одинаково с ним чувствуют, и к одному и тому же устремляются? — или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пиянства?.. Не сей ли есть сын Отечества?— или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством... сей ли есть сын Отечества? — Или тот, простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целаго Отечества своего, а ежели бы можно было, и целаго света, и который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последния крохи, поддерживающия унылую и темную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности... И так не сему ли принадлежит имя сына Отечества? — Или не тот ли, сидящий за исполненным произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель, и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстьми своими... Глас разума, глас законов, начертанных в природе и сердце человеков, не согласен наименовать вычисленных людей сынами Отечества! Самые те, кои подлинно таковы суть, произнесут суд (не на себя, ибо они себя не



Денис Давыдовъ

находят такими), но на подобных себе и приговорят исключить таковых из числа сынов Отечества... Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же... для него нет низкого состояния в служении Отечеству; служа оному, он знает, что он содействует здравоносному обращению, так сказать, крови Государственного тела. Он скорее согласится погибнуть и изчезнуть, нежели подать собою другим пример неблагонравия и тем отнять у Отечества детей, кои бы могли быть украшением и подпорою онаго; он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан; он пламенеет нежнейшею любовью к целости и спокойствию своих соотчичей; ничего столько не жаждет зреть, как взаимной любви между ними; он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах; не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге; преодолевает все препятствия, неутомимо бдит над сохранением честности, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнию; естьли же она нужна для Отечества, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает все, могущее запятнать чистоту, и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженства и совершенствование Соотечественников своих. Словом, он благонравен! Вот другой верный знак сына Отечества! Третий же и, как кажется, последний отличительнейший знак сына Отечества, когда он благороден... Тот есть прямо благороден, котораго сердце не может не трепетать от нежной радости при едином имени Отечества и который не инако чувствует при том воспоминании (которое в нем непрестанно), как бы то говорено было о драгоценнейшей всего на свете его части. Он не жертвует благом Отечества предрассудкам, кои мечутся, яко блистательныя, в глаза его; всем жертвует для блага онаго.

Из «Беседы о том, что есть сын Отечества»

Денис Давыдов

...Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать...

Из «Элегии IV», 1816

Огромна наша мать Россия! Изобилие средств ее дорого уже стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование; но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее. Один из сих слоев состоит, без сомнения, из полудиких и воинственных народов, населяющих всю часть империи, лежащую между Днепра, Дона, Кубани, Терека и верховьев Урала, и коих поголовное ополчение может выставить в поле сто, полтораста, двести тысяч природных наездников. Единое мановение царя нашего — и застонут поля неприятелей под копытами сей свирепой, неутомимо подвижной конницы, предводимой просвещенными чиновниками регулярной армии! Не разрушится ли, не развеется ли, не снесется ли прахом с лица земли все, что ни повстречается живого и неживого, на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбою с миллионною нашей армией, первою в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству?

Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!

Из статьи «О партизанской войне», 1836

К. Ф. Рылеев

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья;

«Но тот, кто с гордыми в борьбе,
Наград не ждет и их не просит,
И, забывая о себе,
Все в жертву родине приносит.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

«Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменной цепи —
Он на него, как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи...

«И хоть падет, но будет жив
В сердцах и памяти народной,
И он, и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,

Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье...»

Из думы «Волынский», 1821—1823

...Мне не любовь теперь нужна,
Занятья нужны мне иные,
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум.
Увы! моя отчизна страждет;
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

Из стих. «К NN», 1824

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Из «Исповеди Наливайки», 1824—1825

«Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги!.. —
Сусанину с сердцем вскричали враги: —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

«Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует:
Но смерти от Ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;
Иль бойся — недолго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?..» —

«Деревня! — Сарматам в ответ мужичок: —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

«Такой я проклятой не видывал ночи!
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой!» —
Вошед, проворчал так Сармат молодой.
«Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объяты,
Лежат беззаботно по лавкам Сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой...
В полголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и к двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам бог тебя к этому дому!
Мой сын, поспешай же к царю молодому:
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей;
Что гордые Ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

«Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя;

Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге». —
«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя Ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою, и с матерью хилой?» —
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время!
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна, между тем, совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга;
На небе восточном зарделась заря:
Проснулись Сарматы, злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали, — что молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят, не шелохнясь, и дуб, и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за̀ другом идут в молчаньи Сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес;
Все глуше и диче становится лес, —
И вдруг пропадает тропинка пред ними;
И сосны, и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настороже тревожное ухо:
Все в том захолустьи и мертво, и глухо...

Кондр. Ед. Рылѣевъ

Федоръ Глинка

«Куда ты завел нас!» — Лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —

«Убейте! замучьте! — моя здесь могила! —
Но знайте и рвитесь — я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит,
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев. —
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто Русской по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же!» — Сарматы герою вскричали.
И сабли над старцем, свистя, засверкали. —
«Погибни, предатель! конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!

Из думы «Иван Сусанин», 1823

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан,
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся Славян?
. . . . . .
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья!

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
На бедствия страдающей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

«Гражданин», 1825

Ф. Н. Глинка

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах...
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это —матушка-Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?

Кто царь-колокол подымет?
Кто царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых Кремля ворот?..

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе —
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат,
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

«Москва», 1841

А. С. Пушкин

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

«К Чаадаеву», 1818

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века,
По воле бога самого,

Самостоянье человека,
Залог величия его.)

Из черновых отрывков, 1831

России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...

«О русской литературе с очерком французской», 1834

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
. . . . . .
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Из поэмы «Полтава», 1828

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там;
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.

Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины,
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая —
Далече грянуло *ура:*
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,

И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины;
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет,
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волненья,
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
. . . . . .

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит;
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Из поэмы «Полтава», 1828

На берегу пустынных волн
Стоял *он*, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И думал *он:*
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно;
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся

Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,

Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Из поэмы «Медный всадник», 1833

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... И племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Из стих. «Была пора: наш праздник молодой», 1836

...Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

Настали времена другие:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор.

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья;
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И всё как буря закипело;
Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Оплачены тебе, тиран!

«Наполеон», 1821

...Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

. . . . . .

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,

Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

Из романа «Евгений Онегин», 1823—1831

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, Русские, что оно звучит Русским звуком?

«Объяснение», 1836

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов.
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

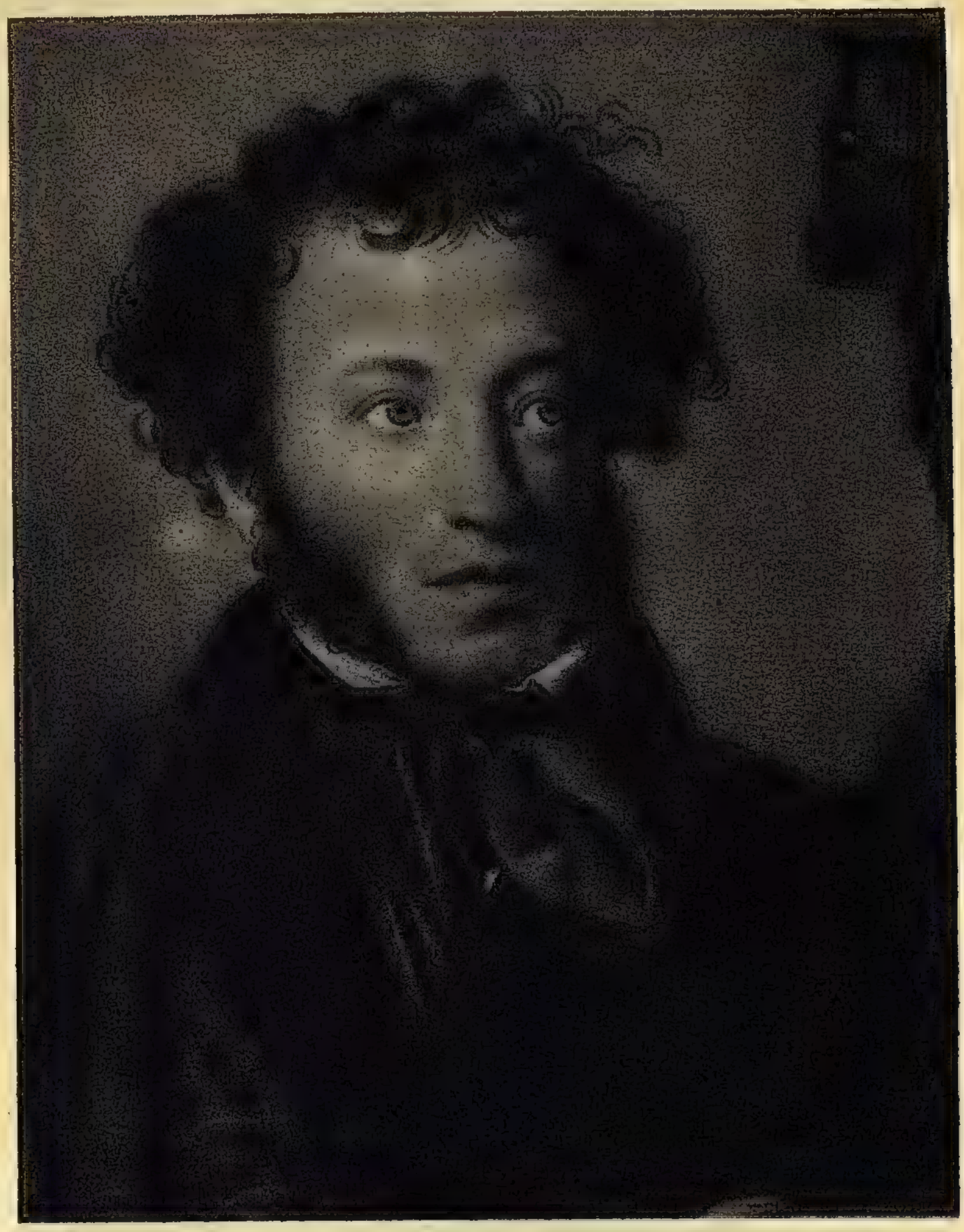
В твоем гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди спасай!» Ты встал — и спас.

Из стих. «Перед гробницею святой», 1831

Только революционная голова, подобная М. Орлову или Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык.

1822

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?



A Pushkin

М. Лермонтов

Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою
Вопрос, которого не разрешите вы.

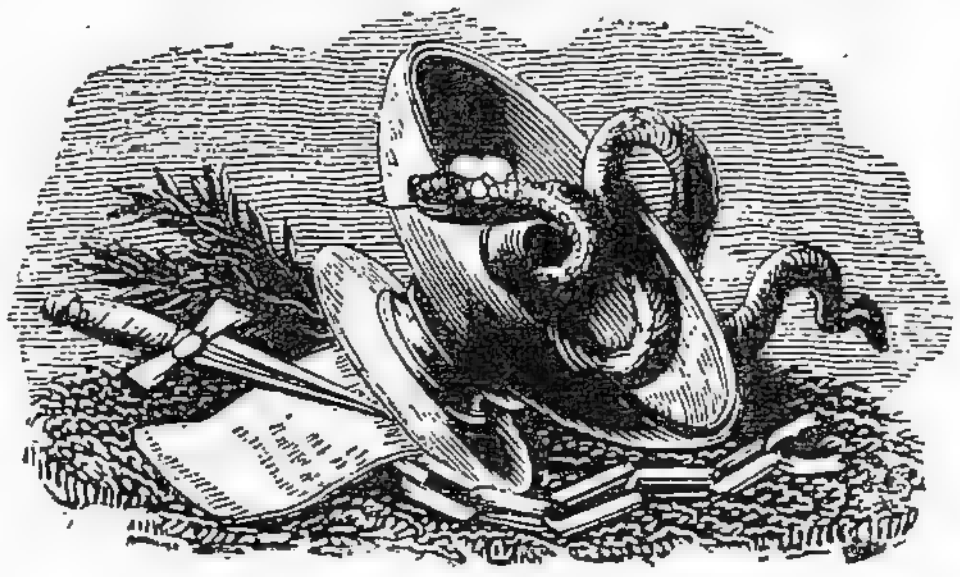
. . . . . .

Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов;
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

«Клеветникам России», 1831



М. Ю. Лермонтов

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам? —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

«Родина», 1841

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!

Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

Из поэмы «Сашка», 1839

Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..

Он алтарь России, на нем должны совершаться, и уже совершались многие жертвы, достойные отечества... Давно ли, как баснословный феникс, он возродился из пылающего своего праха?!.

Что величественнее этих мрачных храмин, тесно составленных в одну кучу, этого таинственного дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лет уже не слышат звуков человеческого голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни в память царей великих?!.

Нет; ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно... Надо видеть, видеть... надо чувствовать все, что они говорят сердцу и воображению!..

Из статьи «Панорама Москвы», 1833

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось.
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —

И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы.

«Бородино», 1837

А разве мы не доказали в 12-м году, что мы русские? — Такого примера не было от начала мира... Мы — современники и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам.

Из драмы «Странный человек», 1834

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ;
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

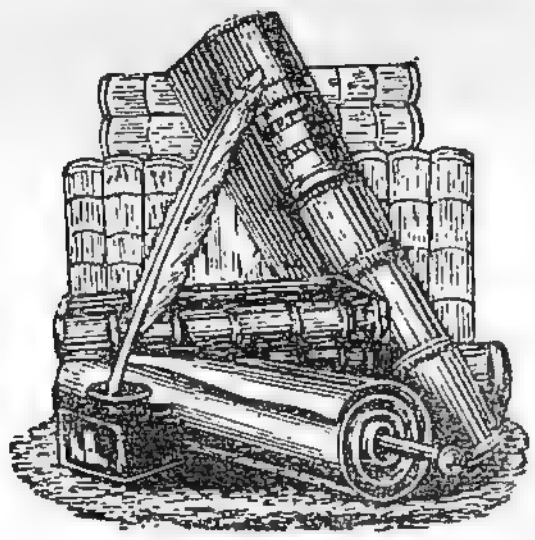
Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

«Два великана», 1832

...если захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская, — я не слыхал сказок народных; — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности.

Из «Заметок», 1830



Н. В. Гоголь

Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далёка тебя вижу. Бедно, разбросанно и неприютно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства — города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные дерева и плющи, вросшие в домы, в шуме и вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города: ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее

пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль. Русь!..

Из поэмы «Мертвые души», 1842

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель; не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню — дружно и разом напряглы медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ! Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторанива-ются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Из поэмы «Мертвые души», 1842

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тот же разгул и раздолье, к которому иногда, позабывшись, стремится русский, и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет. — Судьба, как нарочно, забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью, где гладкая неизмеримость России перерывается подоблачными горами и обвевается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом, Кав-

каз, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию...

Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами.

Из статьи «Несколько слов о Пушкине», 1832

Тарас... сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а, просто, самому хотелось высказать все, что было на сердце.

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало; только остались мы сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать; но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя! Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как может любить русская душа, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, — а!..» — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и

сказал: «Нет, так любить никто не может!.. Пусть же знают они все, что такое значит в русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать! никому, никому! Не хватит у них на то мышиной натуры их!»

Так говорил атаман, и, когда кончил речь, все еще потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко до самого сердца; самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась на старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою, жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим их...

Из повести «Тарас Бульба», 1835

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамаки; впереди других понесся витязь всех бойчее, всех красивее; так и летели черные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понесся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрейший и молодший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник, — и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как? своих? своих, чортов сын, своих бьешь?» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и все, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» — кричал Тарас. И вызвалось тот же час

тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо напересрез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним; а козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен: так школьник, неосторожно задравший своего товарища и получивший за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв, и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

«Ну что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

Из повести «Тарас Бульба», 1835

«Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!»

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив, ни мертв перед Тарасом.

«Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью!» — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье. Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очаро-

ванья, все еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. «Чем бы не козак был?» сказал Тарас: «и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою. Пропал! пропал бесславно, как подлая собака!»

«Батько, что ты сделал? Это ты убил его?» сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же: «Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тело хищные птицы».

«Погребут его и без нас!» сказал Тарас: «будут у него плакальщики и утешницы!»

Из повести «Тарас Бульба», 1835

...Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут! ведут! козаки!»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но с какою-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко: «Дай же, боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!» После этого он приблизился к эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождением тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества... Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск

их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда паненки отворотили глаза свои, — ничто похожее на стон не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но, когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: боже! все неведомые, все чужие лица. Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и биющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и выкликнул в душевной немощи:

«Батько! где ты? Слышишь ли ты все это?..»

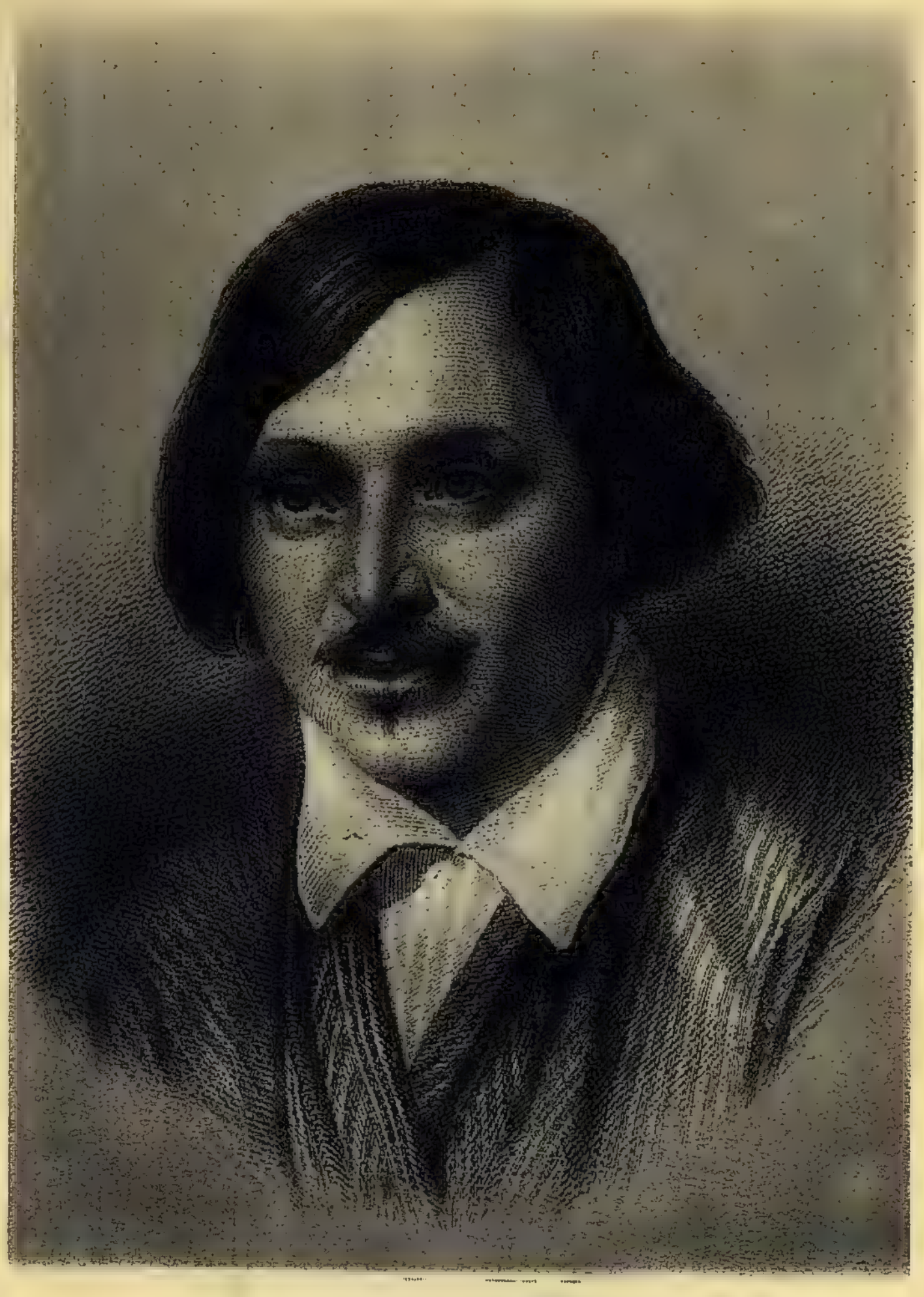
«Слышу!» — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа... Но Тараса уже не было: его и след простыл.

Из повести «Тарас Бульба», 1835

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отомстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье..., за все, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть козаков.

Из повести «Тарас Бульба», 1835

Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов. Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украйна звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок, заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Все дорожное дворянство и недворянство летит под песни ямщиков. У Черного моря безбородый, смуглый, с смолистыми усами козак, заря-



Н. Гоголь

В. Бѣлинскій

жая пищаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьет острогой кита, затягивая песню. У нас ли не из чего составить своей оперы?

Из «Петербургских записок», 1836

Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была деятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического, и он, при всей многосторонности ее, не получил высшей цивилизации, то весь пыл, все сильное, юное бытие его выливается в народных песнях. Они — надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии — все: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции; в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего, целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в ясном величии.

Песни малороссийские могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств. Везде проникает их, везде в них дышит эта широкая воля козацкой жизни.

Из статьи «О малороссийских песнях», 1833

Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа приедет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках.

Из статьи «Страхи и ужасы России», 1846

В. Г. Белинский

Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году, стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству, и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества; второй век русской литературы — сердце наше говорит нам — будет веком славным, блистательным: его приготовило окончившееся столетие, поставив литературу на истинный путь, обратив русское чувство к народности и направив ум к созерцанию того света, который разливали в последнее время мировые гении, старшие сыны в семействе рода человеческого. Движение, данное один раз, не остановится, и время только будет ускорять его полетом своим.

«Месяцослов», 1840

Любить свою родину значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому. В противном случае, патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством.

«Стихотворения М. Лермонтова», 1840

...русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца.

«Русская литература в 1846 г.»

Разумеется, что нам так же не к лицу идет быть немцами, как и французами, потому что у нас есть своя национальная жизнь — глубокая, могучая, оригинальная; но назначение России есть — принять в себя все элементы не только европейской, но мировой жизни, на что достаточно указывает ее историческое развитие, географическое положение и самая многосложность племен, вошедших в ее состав и теперь перекаляющихся в горниле великорусской жизни, которой Москва есть средоточие и сердце, и приобщающихся к ее сущности... Мы, русские — наследники целого мира, не только европейской жизни, но и наследники по праву. Мы не должны и не можем быть ни англичанами, ни французами, ни немцами, потому что мы должны быть русскими; но мы возьмем как свое все, что составляет исключительную сторону жизни каждого европейского народа, и возьмем ее не как исключительную сторону, а как элемент для пополнения нашей жизни, исключительная сторона которой должна быть — многосторонность, не отвлеченная, а живая, конкретная, имеющая свою собственную народную физиогномию и народный характер. Мы возьмем у англичан их промышленность, их универсальную практическую деятельность, но не сделаемся только промышленниками и деловыми людьми; мы возьмем у немцев науку, но не сделаемся только учеными, мы уже давно берем у французов моды, формы светской жизни, шампанское, усовершенствования по части высокого и благородного поваренного искусства; давно уже учимся у них любезности, ловкости светского обращения, но пора уже перестать нам брать у них то, чего у них нет: знание, науку. Ничего нет вреднее и нелепее, как не знать, где чем можно пользоваться.

«О критике 1838 г.»

Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство, и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не один суровый экзамен судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряжен-

ного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими.

«Русская литература в 1846 г.»

Басни Крылова, кроме поэзии, имеют еще другое достоинство, которое, вместе с первым, заставляет забыть, что они — басни, и делает его великим русским поэтом: мы говорим о народности его басен. Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, остротою и добродушно-саркастическою насмешливостью; с его природною верностью взгляда на предметы, и способностью коротко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально-русских, непередаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиогномию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, — что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении. О естественности, простоте и разговорной легкости его языка нечего и говорить.

«Басни Ивана Крылова», 1840

Но не понимаем, с чего взял автор, будто народ бежит, как от чорта, от всякой письменной бумаги? Бумаг юридических не любит ни один наш народ, особенно если грамоте не знает; но грамоты наш народ не боится, напротив, льстит ее и бежит к ней, а не от нее. Пусть попросит автор своих друзей, чтобы они переслали ему отчет за 1846 год министра государственных имуществ, напечатанный во всех официальных русских газетах: из него увидит он, как быстро распространяется в России грамотность между простым народом... А если бы захотел он пожить в той России, которую так расхваливает, живя в разных немецких землях, и попригляделься к нашему простому народу, о котором он судит так решительно, не зная его, — он убедился бы, что эти быстрые успехи в деле распространения грамотности в простом народе основаны именно на глубокой потребности, какую чувствует

народ в грамотности, и на сильном стремлении, какое он оказывает к учению... Автор увидел бы, как часто бородатые русские мужички ничего не жалеют для обучения детей своих грамоте и достигают иногда этой цели при всевозможной бедности в средствах... Да, эта любовь к свету, выразившаяся в пословице: ученье — свет, неученье — тьма, составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского народа...

«Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя», 1847

Русская история есть неистощимый источник для романиста и драматика; многие думают напротив, но это потому, что они не понимают русской жизни и меряют ее немецким аршином.

«Иван Иванович Лажечников», 1838

Русская жизнь до Петра Великого имела свои формы — поймите их, и тогда увидите, что она заключает в себе для романа и драмы такие же богатые материалы, как и европейская. Да что говорить о романистах, когда и историки наши ищут в русской истории приложений к идеям Гизо о европейской цивилизации, и первый период меряют норманским футом, вместо русского аршина!.. Боже мой, а какие эпохи, какие лица! Да их стало бы нескольким Шекспирам и Вальтер Скоттам!

«Иван Иванович Лажечников», 1838

Какую идею предназначено выражать России, — определить это тем труднее и даже невозможнее, что европейская история России началась только с Петра Великого, и что, поэтому Россия есть страна будущего. Россия, в лице образованных людей своего общества, носит в душе своей непобедимое предчувствие великости своего назначения, великости своего будущего. И, не увлекаясь ни детскими фантазиями, ни ложным патриотизмом, можно сказать смело, что есть факты, превращающие это предчувствие в убеждение. Все великие народы имели своих великих представителей или в исторических, или в мифических лицах. Много имела первых древняя Греция, но ни один из них не выразил собою так полно национального духа, как мифическое лицо божественного Ахилла, воспетого царем греческих поэтов — Гомером. Мы, русские, имели своего Ахилла, который есть неопровержимо историческое лицо, ибо от дня его смерти протекло только 118 лет, но который есть мифическое лицо со стороны необъ-

ятной великости духа, колоссальности дел и невероятности чудес, им произведенных. Петр был полным выражением русского духа, и если бы между его натурою и натурою русского народа не было кровного родства, — его преобразования, как индивидуальное дело сильного средствами и волею человека, не имели бы успеха. Но Русь неуклонно идет по пути, указанному ей творцом ее... До Петра русская история вся заключалась в одном стремлении к сочленению разъединенных частей страны и сосредоточению ее вокруг Москвы. В этом случае помогло и татарское иго, и грозное царствование Иоанна. Цементом, соединившим разрозненные власти Руси, было преобладание московского великокняжеского престола над уделами, а потом уничтожение их, и единство патриархального обычая, заменявшего право. Но эпоха самозванцев показала, как еще не довольно тверд и достаточен был этот цемент. В царствование Алексея Михайловича обнаружилась живая необходимость реформы и сближения Руси с Европою. Было сделано много попыток в этом роде; но для такого великого дела нужен был и великий творческий гений, который и не замедлил явиться в лице Петра. Со смертию его надолго закатилось солнце русской жизни, и до царствования Екатерины II едва поддерживались установленные Петром формы, без дальнейшего развития, движения вперед. Великая продолжала дело Великого, и Русь быстро двинулась по пути преуспеяния.

«Сочинения Державина», 1843

Двенадцатый год был великой эпохой в жизни России. По своим следствиям, он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого. Напряженная борьба на смерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она дотоле сама в себе не подозревала.

«Сочинения Александра Пушкина», 1843

Петр страстно любил эту Русь... но в России он видел две страны, — ту, которую он застал, и ту, которую он должен был создать: последней принадлежали его мысль, его кровь, его пот, его труд, вся жизнь, все участие и вся радость его жизни.

«Петербург и Москва», 1845

У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты; и о человеке можно безошибочно су-

дить только смотря по тому, как он действовал и каким он является в эти моменты, когда на весах судьбы лежала его и жизнь, и честь, и счастие. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее. Так и у всякого народа — своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и, разумеется, чем выше народ, тем грандиознее царственное достоинство его истории, тем поразительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славою победы. Дух народа, как и дух частного человека, выказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил. Бородинская битва, самим Наполеоном названная *битвою гигантов*, была самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы 1812 года.

Из «Очерков Бородинского сражения», 1839

Время от 1812 до 1815 года было великой эпохой для России. Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск, какими покрыла себя Россия в эту великую для нее эпоху, но и внутреннее преуспеяние в гражданственности и образовании, бывшее результатом этой эпохи. Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны 12-й год, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил, чувством общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в чувстве разъединенных интересов частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественнаго мнения; кроме того, 12-й год нанес сильный удар коснеющей старине: вследствие его исчезли неслужащие дворяне, спокойно рождавшиеся и умиравшие в своих деревнях, не выезжая за заповедную черту их владений; глушь и дичь быстро исчезали вместе с потрясенными остатками старины. С другой стороны, вся Россия, в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европой, пройдя по ней путем побед и торжеств.

«Сочинения А. С. Пушкина», 1844 — 1845

...Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатью священной древности, и за то нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве. Ничто не может быть справедливее этих слов, сказанных великим нашим поэтом:

Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось!

Какие сильные, живые, благородные впечатления возбуждает один Кремль! Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков. Я не могу истолковать себе тех чувств, которые возбуждаются во мне при взгляде на Кремль. Вид их погружает меня в сладкую задумчивость и возбуждает во мне чувство благоговения.

. . . . . .

Монумент Минина и Пожарского стоит на Красной площади, против Кремля. Пьедестал оного сделан из цельного гранита и вышиною будет не менее четырех аршин. Статуи вылиты из бронзы. Пожарский сидит, опершись на щит, а Минин перед ним стоит и рукою показывает на Кремль. На передней стороне пьедестала вылито из бронзы изображение людей обоих полов и всех возрастов, приносящих на жертву отечеству свои имущества. Вверху сего изображения находится следующая краткая, но выразительная надпись:

ГРАЖДАНИНУ МИНИНУ И КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ
БЛАГОДАРНАЯ РОССИЯ.

Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мною тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние. Волосы дыбом поднимаются на голове моей, кровь быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется все существо мое, и холод пробегает по телу. «Вот, — думаю я, — вот два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенною любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: имением, жизнию, кровию. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой Москвой, когда вероломный король их брал города русские, — они одни решились спасти ее, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты

забыли все выгоды честолюбия, все расчеты подлой корысти — и спасли погибающую отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности. Поэт сохранит оные в вдохновенных песнях своих, скульптор в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!

Из письма к А. П. и Е. П. Ивановым, конец 1829 г.

Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собой свой народ...

Необходимость нововведений в России чувствовали еще предшественники Петра: она указывалась настоящим положением государства; но произвести реформу мог только Петр. Для этого ему вовсе не нужно было предполагать себя во враждебных отношениях к своему народу, но, напротив, нужно было знать и любить его, сознавать свое кровное единство с ним. Что в народе бессознательно живет, как возможность, то в гении является как осуществление, как действительность. Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она. Тут единство, а не разделение, не двойственность. И, вопреки силлогистам (новое слово!), для великого поэта нет больше чести, как быть в высшей степени национальным, потому что иначе он и не может быть великим.

«Русская литература», 1846

И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского «самодержавия, православия и народности», и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не простит ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще в зародыше, свежего, здорового чутья, и это же показывает, что у него есть будущность.

Из письма к Н. В. Гоголю, 15 июля 1847 г.

Возьмем поэта русского: он родился в стране, где небо серо, снега глубоки, морозы трескучи, вьюги страшны, лето знойно, земля обильна и плодородна: разве все это не должно положить на него особенного характеристического клей-

ма? Он в младенчестве слышал сказки о могучих богатырях, о храбрых витязях, о прекрасных царевнах и княжнах, о злых колдунах, о страшных домовых; он с малолетства приучил свой слух к жалобному, протяжному пению родных песен; он читал историю своей родины, которая непохожа на историю никакой другой страны в мире; он провел лета своей юности среди общества, которое непохоже ни на какое другое общество; он принадлежит к народу, который еще не живет полной жизнью, но у которого настоящее уже интересно, как шаг, как переход к прекрасному будущему, у которого это будущее еще в зародыше, еще в зерне, но уже так богато надеждами!.. Потом, если он поэт, поэт истинный, то он должен сочувствовать своему отечеству, разделять его надежды, болеть его болезнями, радоваться его радостями?.. Кто не согласится с этим, кто будет противоречить этому? — Итак, спрашиваю: может ли русский поэт не быть русским поэтом, русским не по одному рождению, а по духу, по складу ума, по форме чувства, как бы ни глубоко был он проникнут европеизмом?

«Русская литература в 1835 г.»

Пушкину не нужно было ездить в Италию за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него под рукой здесь, на Руси, на ее плоских и однообразных степях, под ее вечно серым небом, в ее печальных деревнях и ее богатых и бедных городах. Что для прежних поэтов было низко, то для Пушкина было благородно; что для них была проза, то для него была поэзия.

«Сочинения А. С. Пушкина», 1844

Поэзия Пушкина удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу, или русские характеры; на этом основании общий голос нарек его русским национальным, народным поэтом...

«Сочинения А. С. Пушкина», 1844

Какое же действие должны были произвести на русскую публику эти живые, яркие, великолепно-роскошные картины Кавказа при первом появлении в свет поэмы! С тех пор, с легкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний.

Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценной кровью сынов ее и подвигами ее героев. И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова...

«Сочинения А. С. Пушкина», 1844

В своей поэме он умел коснуться так многого, намекнуть о столь многом, что принадлежит исключительно к миру русской природы, к миру русского общества! «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением. Удивительно ли, что поэма была принята с таким восторгом публикой и имела такое огромное влияние и на современную ей и на последующую русскую литературу? А ее влияние на нравы общества? Она была актом сознания для русского общества; почти первым, но зато каким великим шагом вперед для него! Этот шаг был богатырским размахом, и после него стояние на одном месте сделалось уже невозможным... Пусть идет время и приводит с собой новые потребности, новые идеи, пусть растет русское общество и обгоняет «Онегина»: как бы далеко оно ни ушло, но всегда будет оно любить эту поэму, всегда будет останавливать на ней исполненной любви и благодарности взор...

«Сочинения А. С. Пушкина», 1844

Дух народный всегда был велик и могущ, — это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия... в минуты испытания, когда малые духом народы падают, он просыпается, как лев, окруженный ловцами, грозно сотрясает свою гриву, и ужасным рыканием оледеняет сердца своих врагов.

1840

А. И. Герцен

...Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу; я работаю для него, он работает во мне, и это — вовсе не историческая реминисценция, не слепой инстинкт и не кровная связь, а следствие того, что я, сквозь кору и туман, сквозь кровь и зарево пожаров, сквозь невежество народа и цивилизацию царя, вижу огромную силу, важный элемент, вступающий в историю рядом с социальной революцией, к которой старый мир пойдет волей-неволей, если он не хочет погибнуть или окостенеть.

«Личное дело», 1867

С детских лет я бесконечно любил наши села и деревни, я готов был целые часы, лежа где-нибудь под березой или липой, смотреть на почернелый ряд скромных бревенчатых изб, тесно прислоненных друг к другу, лучше готовых вместе сгореть, нежели распасться; слушать заунывные песни, раздающиеся во всякое время дня, вблизи, вдали. С полей несет сытным дымом овинов, свежим сеном, из лесу веет смолистой хвоей, и скрипит запущенный колодезь, опуская бадью, и гремит по мосту порожняя телега, подгоняемая молодецким окриком...

В нашей бедной северной, долинной природе есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельские виды наши не задвинулись в моей памяти ни видом Сорренто, ни римской Кампаньей, ни насупившимися Альпами, ни богато возделанными фермами Англии. Наши бесконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши, в нашей стелющейся природе что-то мирное, доверчивое, раскры-

тое... что-то такое, что поется в русской песне, что кровно отзывается в русском сердце.

И какой славный народ живет в этих селах! Мне не случалось еще встречать таких крестьян, как наши великоруссы и украинцы.

«Крещеная собственность», 1853

...Народ этот убежден, что у себя дома он непобедим; эта мысль лежит в глубине сознания каждого крестьянина, это — его политическая религия. Когда он увидел иностранца на своей земле в качестве неприятеля, он бросил плуг и схватился за ружье. Умирая на поле битвы «за белого царя и пресвятую богородицу», — как он говорил, — он умирал на самом деле за неприкосновенность русской территории.

«Россия», 1849

Расширение России — это великое преступление, которое вменялось ей в вину, как если бы вообще государства делались крупными с самого начала, — носило поразительный характер, и только в настоящее время оно начинает приостанавливаться, дойдя до своей естественной границы, до Тихого океана. Россия... имеет ядро; это — не эмигрирующая колония, а народ, который прочно укрепился на своей территории и распространяется во все стороны, не отрываясь от своего центра.

Из письма к Джузеппе Маццини, 1857

Мне кажется, что в русской жизни есть нечто, более возвышенное, чем община, и более сильное, чем власть; это «нечто» трудно выразить словами и еще труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя, силе, которая так удивительно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и западной розгой капрала, — я говорю о той внутренней силе, благодаря которой, несмотря на унизительную дисциплину рабства, русский крестьянин сохранил открытое красивое лицо и живой ум, и которая на императорский приказ ввести цивилизацию ответила, спустя столетие, колоссальным явлением Пушкина; я говорю, наконец, о той силе и той вере в себя, которые волнуют нашу грудь. Сила эта, независимо от всех внешних слу-

чайностей и несмотря на них, сохранила русский народ и покровительствовала его непоколебимой бере в себя. Зачем?.. Это выяснит время.

«Россия», 1849

...*рост* наш не подлежит сомнению: мы чувствуем нашу юность, мы чувствуем избыток сил, через два поколения нельзя узнать некоторые края России, — мы влечемся к Тихому океану...

«Франция или Англия», 1858

Мысль, знание, убеждение, догма никогда не остаются у нас в состоянии отвлеченной теории, не стремятся замкнуться в академическом монастыре или скрыться в шкапу ученого рядом с разными ядами; наоборот, еще не созрев, они слишком стремительно бросаются в практическую жизнь, желая прыгнуть с сдвинутыми ногами от вестибюля к концу арены. Мы можем долго жить в состоянии морального оцепенения и умственной спячки, но раз мысль проснулась, если она не падет сейчас же под бременем гнетущей тяжести, если выдержит оскорбление и невнимание раздавливающей среды, опасность и пренебрежение, — она спешит смело дойти до последнего вывода, потому что в нашей логике нет ограничений, являющихся следствиями и следами зарубцевавшегося, но не исчезнувшего прошлого.

Расплывчатый дуализм немцев, которые знают, что жизнь в теории не совпадает с практическими сферами, и мирятся на этом, совершенно антипатичен русскому духу.

«Пролегомена», 1867

Недавно один старый москвич, Аксаков, напечатал свою «Семейную хронику». В этой огромной важности книге автор рассказывает, как около середины прошлого века дед его, бросив свои симбирские имения, отправился искать счастья на берегах Урала; это похоже на историю богача-сеттлера, вздумавшего обрабатывать девственные земли Висконсина и Иллинойса; это — роман Купера. Но какое чудо свершилось за эти сто лет, что мы видим теперь в этих самых провинциях большие города, гимназии, дворянские общества, торговые товарищества? Оренбург, Екатеринбург, Пермь возникли не далее, как вчера. А вся Сибирь, — разве с ней дело об-

стоит иначе? Страна совершенно новая, известная вообще лишь, как каторга среди льдов, она, между тем, предназначена для великого будущего. Сибирь близка к тому, чтобы принять у себя пароходы с усеянным звездами флагом. Завоевание устьев Амура является одним из самых крупных шагов цивилизации. Какое упрямство, какая недобросовестность может отрицать это?

Из письма к Джузеппе Маццини о современном положении России, 1857

Москва... просыпается всякий раз, когда надобно, и становится в уровень с обстоятельствами, когда над Русью гремит гроза.

Она в 1612 году кровно обвенчалась с Россией и сплавилась с нею огнем 1812...

Хмуря брови и надувая губы, ждал Наполеон ключей Москвы у Дорогомиловской заставы, нетерпеливо играя мундштуком и теребя перчатку. Он не привык один входить в чужие города.

«Но не пошла Москва моя»

как говорит Пушкин, — а зажгла самое себя.

Из «Былого и дум», 1856

...До 1812 года сомневались в силах народа и имели непоколебимую веру во всемогущество правительства: Аустерлиц был уже давно, Эйлау принимали за победу, а Тильзит — за славное событие. В 1812 году неприятель прошел Мемель, перешел через Литву и очутился под Смоленском, этим «ключом» России... Народ, забытый даже в это время всеобщего несчастия или же слишком презираемый, чтобы просили у него крови, которую считали в праве проливать без его согласия, — народ поднялся массами, не дожидаясь призыва, в своих собственных интересах. Известие о занятии Москвы и о пожаре ее потрясли всю Россию, ибо для народа Москва все время оставалась истинной столицей. Москва только что искупила своей жертвой усыплявший царский строй; она поднималась, окруженная лучами славы, — сила неприятеля сломилась о ее стены; победитель с Кремля начал свое отступление, которое должно было остановиться только на св. Елене.

«О развитии революционных идей в России», 1851

Солидарность, связывающая Россию и Польшу между собою и со всем славянским миром, не может быть отвергнута:

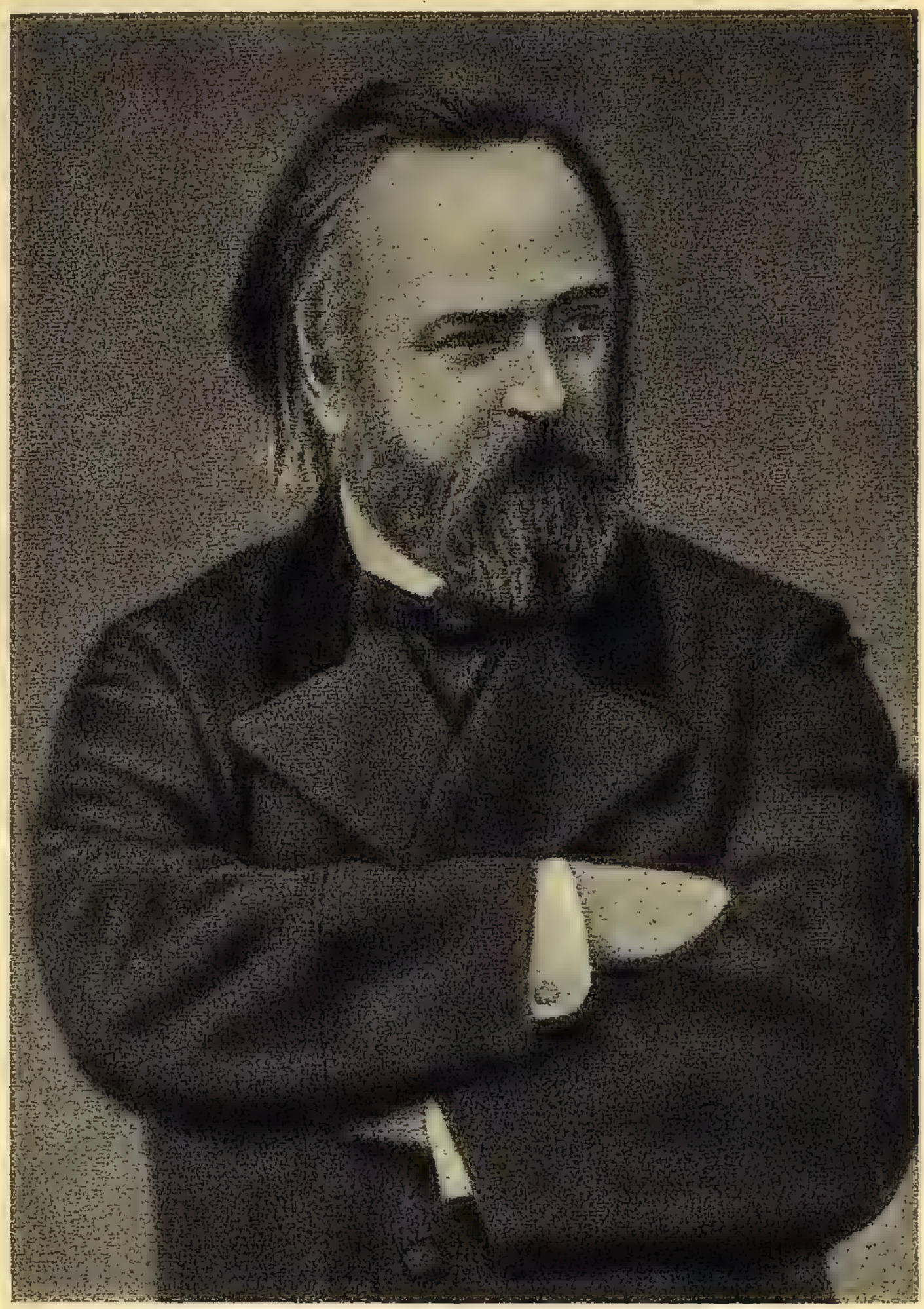
она очевидна. Еще более: вне России нет будущности для славянского мира; без России он не разовьется, — он расплывется и будет поглощен германским элементом; он сделается австрийским и потеряет свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнению, его судьба, его назначение.

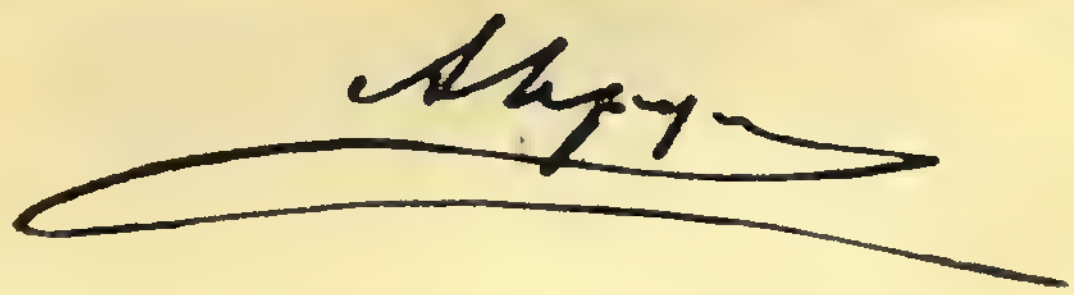
«Русский народ и социализм», 1851

Пушкин, как нельзя более, национален и в то же время понятен для иностранцев. Он редко подделывается под народный язык русских песен, он выражает свою мысль такой, какой она возникает у него в уме. Как все великие поэты, он всегда на уровне своего читателя: он растет, становится мрачен, грозен, трагичен; его стих шумит, как море, как лес, волнуемый бурею, но в то же время он ясен, светел, сверкающ, жаждет наслаждений, душевных волнений. Везде русский поэт реален, — в нем нет ничего болезненного, ничего из той преувеличенной психологической патологии, из того абстрактного христианского спиритуализма, которые так часто встречаются у немецких поэтов. Его муза — не бледное существо, с расстроенными нервами, закутанное в саван, это — женщина горячая, окруженная ореолом здоровья, слишком богатая истинными чувствами, чтобы искать воображаемых, достаточно несчастная, чтобы не выдумывать несчастья искусственные... он проникается инстинктивною верою в будущность России; в его душе отдавались торжествующие и победные крики, поразившие его еще в детстве, в 1813 и 1814 годах...

«О развитии революционных идей в России», 1851

...«Мертвые души» Гоголя, — удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную силы национальность. Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полноте; не типы отвлеченные, а добрые люди, которых каждый из нас видел сто раз. Грустно в мире Чичикова, так, как грустно нам в самом деле; и там, и тут одно утешение в вере и уповании на будущее. Но веру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упование ins Blaue, а имеет реалистическую основу: кровь как-то хорошо обращается у русского в груди. Я часто смотрю из окна на бурлаков, особенно в праздничный день, когда, подгулявши, с бубнами и песнями они едут на лодке, — крик, свист, шум. Немцу во сне не при-





Ник. Плат. Огаревъ.

грезится такого гулянья; и потом в бурю — какая дерзость, смелость, — летит себе, а что будет, то будет.

Из дневника 1842 г.

Пора действительно знакомить Европу с Русью. Европа нас не знает; она знает правительство, наш фасад и больше ничего... Пусть она узнает ближе народ, которого отрроческую силу она оценила в бою, где он остался победителем; расскажем ей об этом мощном и не разгаданном народе, который втихомолку образовал государство в шестьдесят миллионов, который так крепко и удивительно разросся... об народе, который как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским, который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина.

«С того берега», 1849

Н. П. Огарев

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И полны мы упования:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие, —
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится вольная.

1859

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, —
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощной...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощной,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода, —
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный — в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ! шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

«Свобода», 1857

Прощай, прощай, моя Россия!
Еще недолго — и уж я
Перелечу в страны чужие,
В иные, светлые края.
Благодарю за день рожденья,
За ширь степей и за зиму,
За сердцу сладкие мгновенья,
За горький опыт, за тюрьму,

За благородные желанья,
За равнодушие людей,
За грусть души, за жажду знанья.
И за любовь, и за друзей, —
За все блаженство, все страданья;
Я все люблю, все святы мне
Твои, мой край, воспоминанья
В далекой будут стороне.
И о тебе не раз вздохну я,
Вернусь — и с теплою слезой
На небо серое взгляну я,
На степь под снежной пеленой...

Из стих. «Прощанье с краем, откуда я не уезжал», 1841

И. С. Никитин

Под большим шатром
Голубых небес, —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям, в моря,
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что̀ белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю,

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...
. . . . . .

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
В красе царственной,
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про-запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами
Положила ты
Татар полчища.
. . . . . .

И давно ль было,
Когда с запада

Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань, —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран,
На поклон тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,

И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что́,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

«Русь», 1851

Но мне милей роскошной жизни Юга
Седой зимы полуночная вьюга,
Мороз и ветр, и грозный шум лесов,
Дремучий бор по скату берегов,
Простор степей и небо над степями
С громадой туч и яркими звездами.
Глядишь кругом, — все сердцу говорит:
И деревень однообразный вид,
И городов обширные картины,
И снежные безлюдные равнины,
И удали размашистый разгул,
И русский дух, и русской песни гул,
То глубоко-беспечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой...
Глядишь вокруг, — и на душе легко,
И зреет мысль так вольно, широко,
И сладко песнь в честь родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется,
И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! здесь край моих отцов!»

Из стих. «Юг и Север», 1851

Да здравствует Донцев воинственное племя,
Да здравствует и млад, и стар!
Привет вам всей Руси за славу в наше время!
Привет за славу вашу встарь!

Русь помнит те былые годы,
Когда свой гибельный удар,
Сын дикой степи и свободы,
Бросал ваш предок на татар;
Когда от Дона до Урала
И вдоль Днепровских берегов
Внезапной молнией сверкала
Казачья сабля меж врагов.
И помнит Русь тот день великий,
Когда бесстрашный богатырь
К подножью Грозного владыки
Поверг обширную Сибирь;
И подвиг дивный и кровавый,
Которым в летопись веков
На память вечную и славу
Внесен разрушенный Азов.
Привет Донцам! увековечен
Ваш сильный, доблестный народ,
И знает мир, как вами встречен
Войны отечественной год:
Весь Дон восстал на голос чести,
И день и ночь казак летел,
И крови, в битвах грозной мести,
Последней капли не жалел.
Минула грозная година:
Повесив шашку на стене,
Казак за делом селянина
Забыл о славе и войне...

«Донцам», 1854

«ВОЗДАДИМ ХВАЛУ РУССКОМУ ОРУЖИЮ»
(Сказание о мамаевом побоище).

Уж как был молодец —
Илья Муромец,
Сидел сиднем Илья
Ровно тридцать лет, —

На тугой лук стрелы
Не накладывал,
Богатырской руки
Не показывал.

Как проведал он тут,
Долго сидючи,

О лихом Соловье,
О разбойнике, —

Снарядил в путь коня:
Его первый скок —
Был пять верст, а другой —
Пропал из виду.

По коню был седок, —
К князю в Киев-град
Он привез Соловья
В тороках живьем.

Вот таков-то народ
Руси-матушки!
Он, без нужды, не вдруг
С места тронется;

Не привык богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удальством,
Умом-разумом.

Уж зато, кто на брань
Сам напросится,
За живое его
Тронет не в пору, —

Прочь раздумье и лень!
После отдыха
Он, как буря, встает
Против недруга.

И поднимется клич
С отголосками,
Словно гром загремит
С перекатами.

И за тысячи верст
Люд откликнется,
И пойдет по Руси
Гул без умолку.

Тогда все трын-трава
Бойцу смелому:

На куски его режь, —
Не поморщится.

Эх, родимая мать,
Русь-кормилица!
Не пришлось тебе знать
Неги-роскоши.

Под грозой ты росла
Да под вьюгами,
Буйный ветер тебя
Убаюкивал,

Умывал белый снег
Лицо полное,
Холод щеки твои
Подрумянивал.

Много видела ты
Нужды смолоду,
Часто с злыми людьми
На смерть билася.

То не служба была.
Только службишка;
Вот теперь сослужи
Службу крепкую.

Видишь: тучи несут
Гром и молнию,
При морях города
Загораются,

Все друзья твои врозь
Порассыпались,
Ты одна под грозой...
Стой, Русь-матушка!

Не дадут тебе пасть
Дети-соколы.
Встань, послушай их клич
Да порадуйся...

«Для тебя — все добро,
Платье ценное,

Наших жен кровь и жизнь,
Все для матери».

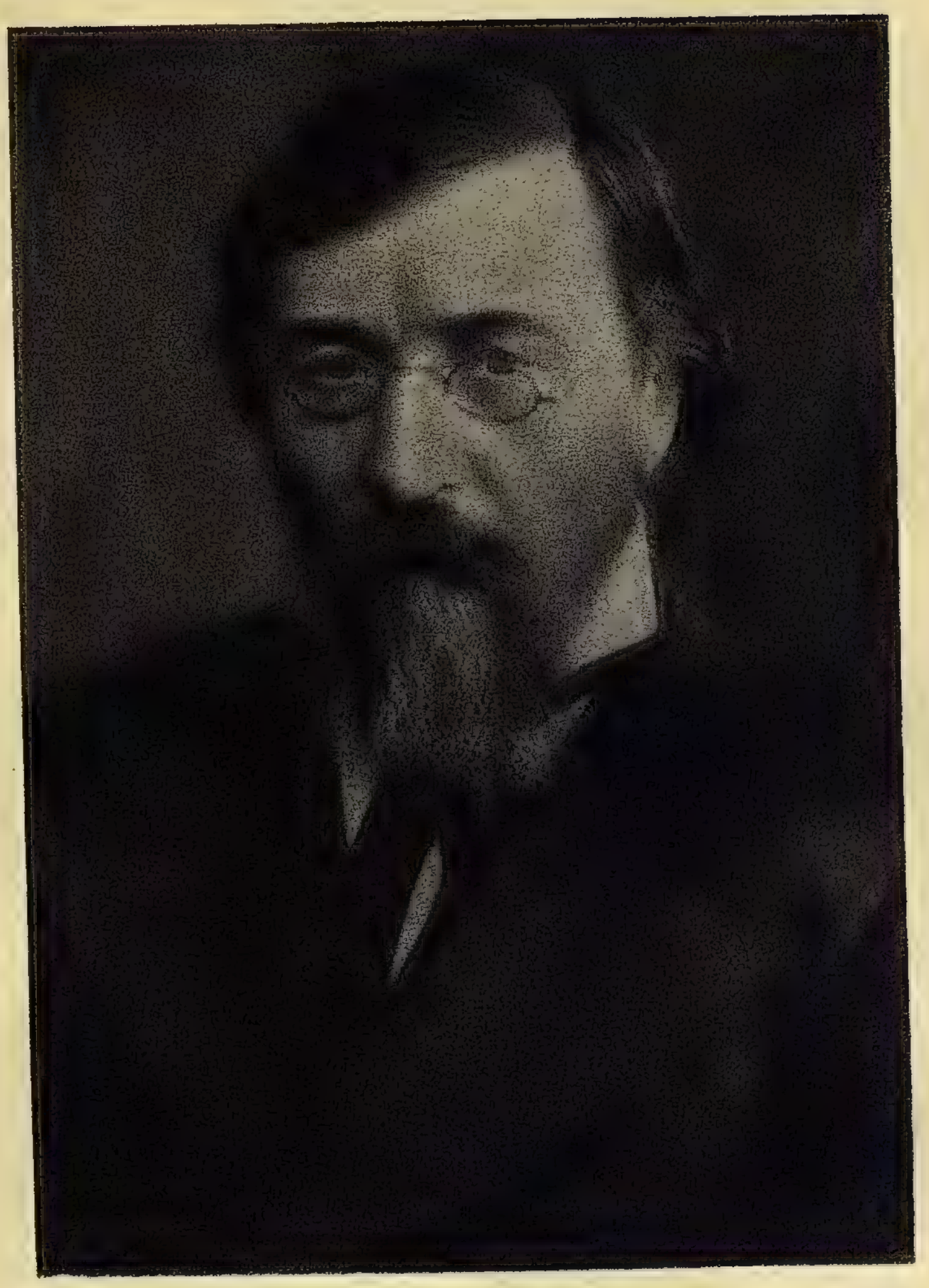
Пронесет бог грозу,
Взглянет солнышко,
Шире прежнего, Русь,
Ты раздвинешься!

Будет имя твое
Людям памятно,
Пока миру стоять
Богом сужено.

И уж много могил
Наших недругов
Порастет на Руси
Травой дикою!

1854

Иван Никитин



Н. Чернышевскій

Н. Г. Чернышевский

Русское племя безусловно владычествует в сильнейшем государстве целого мира; для нас нелепа даже мысль о возможности иноземного ига...

«Откупная система», 1858

...Мы настолько сильны, что ни с запада, ни с юга, или востока не может нахлынуть на Россию орда, которая подавила бы нас, как подавили в старину монголы... Нам впереди на много столетий обеспечена счастливая доля делаться самим и устраивать свою жизнь все получше и получше.

Из письма жене, 1877

...Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам, стеною, которую вполовину было разбили враги, и другого ига — французов и Наполеона... Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и вносит в жизнь политическую, выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества и на другом великом поприще жизни — в науке... И да совершится чрез нас, хоть частию, это великое событие!.. Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого?

Из письма А. Н. Пыпину, 1846

Русских часто сравнивают с северо-американцами, по большей части несправедливо; но эти два народа, столь противоположные, совершенно сходятся между собою в том, что у обоих чувство национальной гордости развито необыкновенно сильно, как ни в одной из других цивилизованных наций. Русский издавна привык считать свой народ первым в мире...

«Пропилеи», 1853—1854

Между нами, русскими, едва ли найдется много людей, которые не имели бы любви к своей нации.

1889

Много было достоинств у критики гоголевского периода (т. е. у Белинского. — *Ред.*), но все они приобретали жизнь, смысл и силу от одной одушевлявшей их страсти — от пламенного патриотизма. Как все высокие слова, как любовь, добродетель, слава, истина, слово «патриотизм» иногда употребляется во зло непонимающими его людьми для обозначения вещей, не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом; потому, употребляя священное слово «патриотизм», часто бывает необходимо определять, что̀ именно мы хотим разуметь под ним. Для нас идеал патриота — Петр Великий; высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека. Понимая патриотизм в этом единственном истинном смысле, мы замечаем, что судьба России в отношении к задушевным чувствам, руководившим деятельностью людей, которыми наша родина может гордиться, доселе отличалась от того, что представляет история многих других стран. Многие из великих людей Германии, Франции, Англии заслуживают свою славу, стремясь к целям, не имеющим прямой связи с благом их родины... Мы не знаем и не спрашиваем себя, любили ли они родину: так далеко их слава от связи с патриотическими заслугами. Они, как деятели умственного мира, космополиты. То же надобно сказать о многих великих поэтах Западной Европы... Назовем Ариосто, Корнеля, Гете. О художественных заслугах перед искусством, а не особенных, преимущественных стремлениях действовать во благо родины, напоминают их имена. У нас не то: историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма. Ломоносов, Державин, Карамзин,

Пушкин справедливо считаются великими писателями, — но почему? «Потому, что оказали великие услуги просвещению или эстетическому воспитанию своего народа». Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству. Державин даже считал себя имеющим право на уважение не столько за поэтическую деятельность, сколько за благие свои стремления в государственной службе. Да и в своей поэзии что̀ ценил он? Служение на пользу общую. То же думал и Пушкин... Русский, у кого есть здравый ум и живое сердце, до сих пор не мог и не может быть ничем иным, как патриотом в смысле Петра Великого, — деятелем в великой задаче просвещения русской земли. Все остальные интересы его деятельности — служение чистой науке, если он ученый, чистому искусству, если он художник, даже идее общечеловеческой правды, если он юрист, — подчиняются у русского ученого, художника, юриста великой идее служения на пользу своего отечества.

В этом смысле немного найдется в нашей литературной истории явлений, вызванных таким чистым патриотизмом, как критика гоголевского периода. Любовь к благу родины была единственною страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея — пафос всей ее деятельности. В этом пафосе и тайна ее собственного могущества.

Из «Очерков гоголевского периода русской литературы», 1855

...Ни заоблачные мечтания, ни самохвальство не в характере у русского человека.

Из «Заметок о журналах», 1857

...До половины XVII века вся Европейская Россия была театром таких событий, при которых можно дивиться разве тому, что уцелели в ней хотя те малочисленные жители, которых имела она при Петре. Татарские набеги, нашествие поляков, многочисленные шайки разбойников, походившие своею громадностью на целые армии, — все это постоянно дотла разоряло русские области. Они опустошались также страшной неурядицей управления... Мы удивляемся не тому, что теперь наше население еще слишком мало; напротив, скорее требовало бы объяснения то обстоятельство, каким образом могло оно увеличиться хотя до настоящей цифры

при известной нам судьбе русского народа в этот период. Сравнивая цифру населения собственно русских областей в наше время с населением их за полтораста лет, мы должны приписать натуре русского человека чрезвычайную переносливость — черта, которая обнаруживается также всею нашею историею и всеми особенностями нашего быта.

«Суеверие и правила логики», 1859

У нас... сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями — если только были со времени Ярослава какие-нибудь провинциальные стремления, — которых, надобно сказать, вовсе не видно, и которых потому не должно предполагать: распадение Руси на уделы было, чисто, следствием дележа между князьями, делом потомков Ярослава или, пожалуй, и самого Ярослава, но не следствием стремлений самого русского народа. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда и не имела корней в его сердце: народ только подчинялся семейным распоряжениям князей. Как только присоединяется тот или другой удел к Москве, дело кончено: тверитянин, рязанец — такой же истый подданный московского царства, как и самый коренной москвич; он не только не стремится отторгнуться от Москвы, даже не помнит, был ли он когда в разрозненности от других московских областей: он знает только одно — что он русский. При такой силе национального чувства государственное единство нимало не нуждалось в поддержке централизациею управления.

«Областные учреждения в России в XVII в.», 1856

...русский народ и русские войска, а не исключительно только мороз и голод победили французов в 1812 году...

«Некоторые замечания о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 г.», 1856

...славные запорожцы, дивную храбрость и благородство которых признавали даже враги их, татары и турки, и потомки которых, черноморцы, своими подвигами показывают, «каких отцов они дети», какие предания завещаны им отцами...

«Азовское сидение», 1855

...донцы, братья запорожцев, действительно всегда были воинами в высшей степени отважными и благородными, точно так же, как и запорожцы.

«Азовское сидение», 1855

...холод и недостаток в съестных припасах были только второстепенными причинами погибели великой армии наполеоновой; главнейшими же причинами нашего торжества в 1812 году должны быть признаваемы... патриотизм народа, мужество наших армий и искусство наших полководцев...

«Некоторые замечания о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 г.», 1856

...Да, мужественные защитники родных укреплений (Севастополя. — *Ред.*)... ваши имена не остались безвестными, они внесены в летопись той осады, которая, благодаря вашей беспредельной храбрости, вынудила у самых врагов признание о доблестях русского воина.

«Морской сборник», 1855

...Народная поэзия развивается только у народов энергических, свежих, полных кипучей жизни, искренности, достоинства и благородства. Потому она всегда полна свежего, энергического, истинно поэтического содержания. Она всегда возвышенна, целомудренна, если можно так выразиться, чиста, проникнута всеми началами прекрасного, которые вполне развиваются в человеке, правда, только цивилизациею, но которые, однако же, лежат в сущности нашей нравственной организации, потому инстинктивно владычествует человеком, если он не испорчен неблагоприятными обстоятельствами. Она принадлежит целому народу, потому чужда всякой мелочности и пустоты, которой в неиспорченном народе может поддаваться только отдельный человек, а не целая масса; она вообще полна жизни, энергии, простоты, искренности, дышит нравственным здоровьем...

Народная поэзия прекрасна... поэтому она интересна и мила для всякого, кто любит свой народ. А не любить своего родного невозможно.

«Песни разных народов», 1854

...великий писатель есть человек, оказывающий большую услугу, делающий много добра своей родине...

«А. С. Пушкин», 1856

...Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если б только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их. И сладко будет умереть, а не горько...

Из дневника 1848 г., декабрь

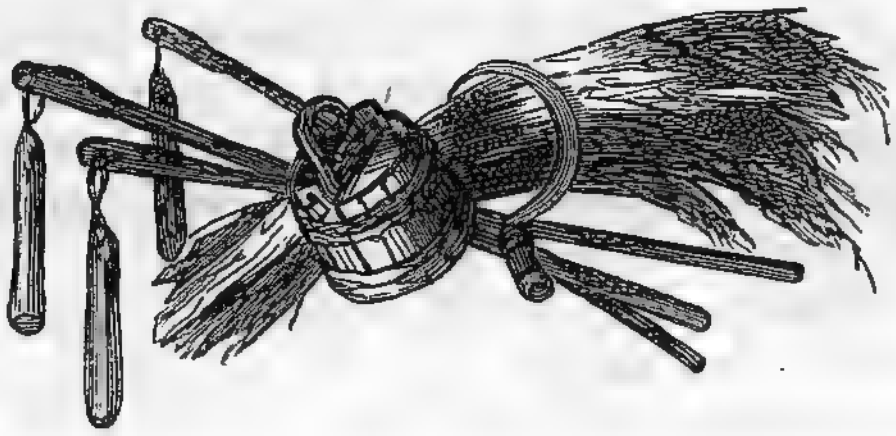
...В самом деле, какой русский не желал бы ныне стать поэтом, чтобы откликнуться на громкий вызов великих событий современности? Кто не хотел бы возвысить свой голос против врагов отечества,

К ним стать лицом, поднять забрало
И грянуть речью громовой.

«Стих. А. Н. Майкова», 1854

...Подождем времени, когда у нас будет оставаться досуг для разработки философии, всеобщей истории и других наук, возделывание которых не лежит исключительно на нас: тогда, исполнив свою прежнюю задачу: «просветиться», мы будем работать и на пользу общечеловеческой науки не хуже немцев и французов, а, может быть, и лучше, если верить шопоту высокой народной гордости, живущей в каждом из нас.

Из «Заметок о журналах», 1856



Н. А. Добролюбов

Вставай же, Русь, на подвиг славы, —
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута...

Она пойдет!.. Она восстанет,
Святым сознанием полна,
И целый мир тревожно взглянет
На вольной славы знамена.

С каким восторгом и волненьем
Твои полки увижу я!
О Русь! с каким благоговеньем
Народы взглянут на тебя,

Когда, сорвав свои оковы,
Уж не ребенком иль рабом,
А вольным мужем жизни новой
Предстанешь ты пред их судом.

Тогда республикою стройной,
В величьи благородных чувств,
Могучий, славный и спокойный,
В красе познаний и искусств,

Глазам Европы изумленной
Предстанет русский исполин,
И на Руси освобожденной
Явится русский гражданин.

И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут,
И просвещенные народы
Нам братски руку подадут.

Из стих. «Дума при гробе Оленина», 1855

Узкий патриотизм, все человеческие интересы подчиняющий землячеству, достаточно надоедает и в немцах какого-нибудь ландграфства Гессен-Гомбургского или княжества Лихтенштейнского; мы можем от него и освободить себя. У нас нет причин разъединения с малорусским народом; мы не понимаем, отчего же, если я из Нижегородской губернии, а другой из Харьковской, то между нами уже не может быть столько общего, как если бы он был из Псковской.

«Черты для характеристики русского простонародья», 1859—1861

..Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен... Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям...

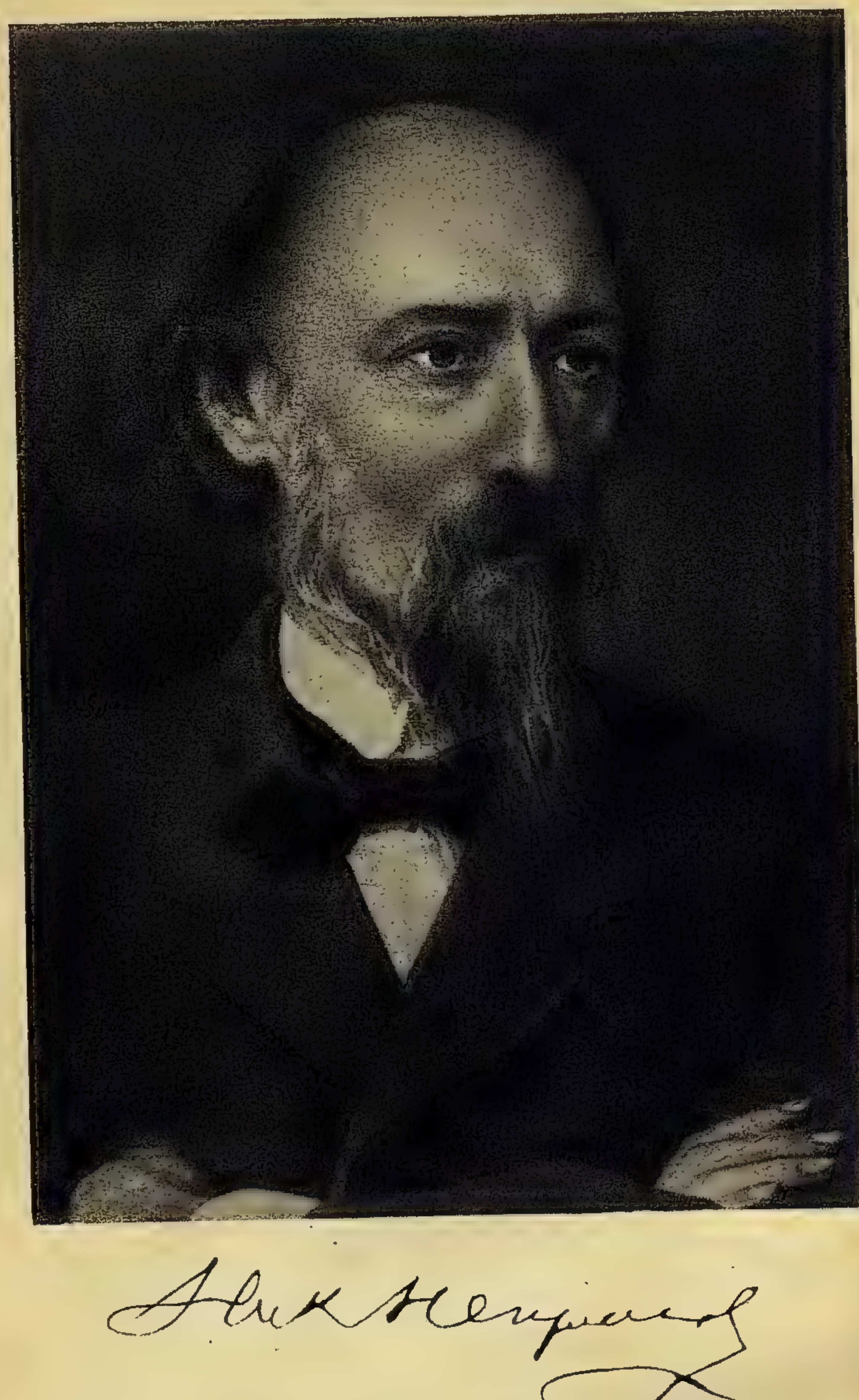
«Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым», 1856—1858

...Вспомним величавый образ Святослава, храброго, деятельного, разделяющего с подданными все труды и недостатки, заботящегося о богатстве земли своей, говорящего: «Не посрамим земли русские — ляжем костьми ту». Вспомним и позднейшее изображение князя Игоря в «Слове», мало подвергшемся книжной порче: и он, подобно древним князьям, является храбрым и деятельным; он сам идет, во главе своего войска, в чужую землю, чтобы отомстить за обиду земли русской; он не смущается перед опасностями и говорит: «Лучше потяту быти, неже полонену быти».

«О степени участия народности в развитии русской литературы», 1853

...русский сильный характер в «Грозе»... прежде всего поражает нас своею противоположностью всяким самодурным началам. Не с инстинктом буйства, но и не с практиче-

Booker T. Washington

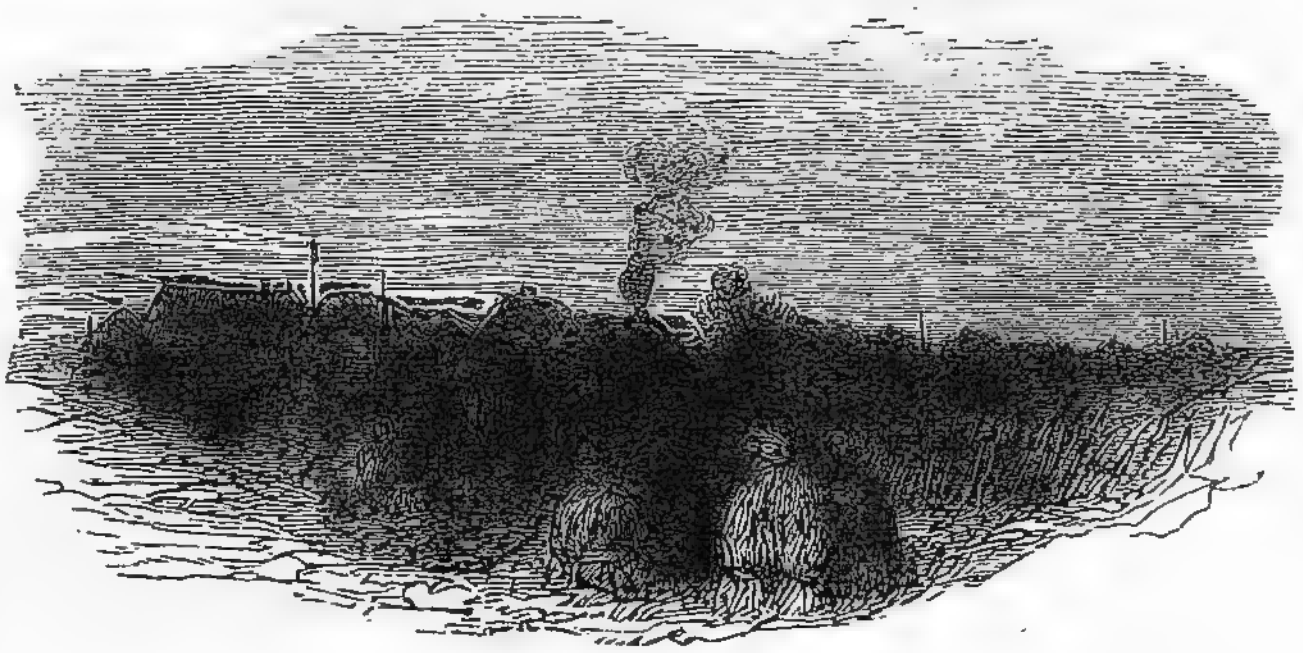


ской ловкостью улаживать свои собственные делишки, не с бессмысленным, трескучим пафосом, но и не с дипломатическим, педантским расчетом является он перед нами. Нет, он сосредоточенно-решителен, неуклонно верен чутью правды, исполнен веры в (новые идеалы) и самоотвержен (в том смысле, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тех началах, которые ему противны).

«Луч света в темном царстве», 1859—1861

...наша родная Русь более всего занимает нас своим великим будущим, для которого хотим мы трудиться неутомимо, бескорыстно и горячо... Да, теперь эта великая цель занимает меня необыкновенно сильно... я как будто нарочно призван судьбою к великому делу переворота!

Из дневника 1855 г.



Н. А. Некрасов

Так запой, о поэт, чтобы всем матерям
На Руси на святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын невредим и победа за ним...

Из стих. «Великое чувство», 1877

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойной
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно
Когда под ним струится кровь.

Из стих. «Поэт и гражданин», 1856

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ...
. . . . . .
Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Из стих. «Железная дорога», 1864

Родина мать! по равнинам твоим
Я не езжал еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой...

Из стих. «Родина мать!», 1861

Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.

Из стих. «На Волге», 1860

Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространство широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам
Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам
Картину сельского обычного движенья.
. . . . . .
Какие реки здесь!
Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь
С природы рейнской...

Отрывки из «Путевых записок графа Гаранского», 1853

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни зàмков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем
И не нашел я ничего!
Я сам не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою,
И в умиленьи посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски-чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Из стих. «Тишина», 1857

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут,
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Из стих. «Горе старого Наума», 1874

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...

Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь.

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Из стих. «Школьник», 1856

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит,
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде...

Из стих. «Мороз, Красный нос», 1863

. . . . . .
Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь —
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..
. . . . . .

Из поэмы «Русские женщины», 1871

«Не на коне, не за сохою, —
Провел он свой недолгий век
В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней...
В ее груди
Бежит поток живой и чистой
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит,
Но слаще северная вьюга
И больше сердцу говорит.
При слове: «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет...

Из поэмы «Несчастные», 1856

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены:
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

Из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», 1863—1876

М. Е. Салтыков-Щедрин

Идея, согревающая патриотизм, — это идея общего блага... Воспитательное значение патриотизма громадно: это школа, в которой человек развивается к восприятию идеи о человечестве.

«Признаки времени», 1868

Я знаю, есть люди, которые в скромных моих писаниях усматривают не только пагубный индиферентизм, но даже значительную долю злорадства, в смысле патриотизма. По совести объявляю, что это — самая наглая ложь. Я уже не говорю о том, что обвинение это — очень тяжелое и даже гнусное, но утверждаю положительно, что я всего менее в этом виноват. Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России. Только раз в жизни мне пришлось выжить довольно долгий срок в благорастворенных заграничных местах, и я не упомню минуты, в которую сердце мое не рвалось бы к России...

«Убежище Монрепо», 1878—1879

...Я люблю эту бедную природу, может быть, потому, что какова она ни есть, она все-таки принадлежит мне; она сроднилась со мной, точно так же, как и я сжился с ней; она лелеяла мою молодость, она была свидетельницей первых тревог моего сердца, и с тех пор ей принадлежит лучшая часть меня самого. Перенесите меня в Швейцарию, в Индию, в Бразилию, окружите какою хотите роскошною природой, накиньте на эту природу какое угодно прозрачное и синее небо, я все-таки везде найду милые мне серенькие тоны мо-

ей родины, потому что я всюду и всегда ношу их в моем сердце, потому что душа моя хранит их, как лучшее свое достояние.

Из «Губернских очерков», 1856—1857

Отечество есть тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь отчетливо для себя определить, но которого прикосновение к себе ты непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом неразрывною пуповиной. Он, этот таинственный организм, был свидетелем и источником первых впечатлений твоего бытия, он наделил тебя способностью мыслить и чувствовать, он создал твои привычки, дал тебе язык, верования, литературу, он обогрел и приютил тебя, словом сказать, сделал из тебя существо, способное жить. И всего этого он достиг без малейшего насилия, одним теплым и бесконечно любовным к тебе прикосновением. Он сделал даже больше того: неусыпно обнимая тебя своею любовью, он и в тебе зажег священную искру любви, так что и тебе нигде не живется такою полною, горячею жизнью, как под сенью твоего отечества.

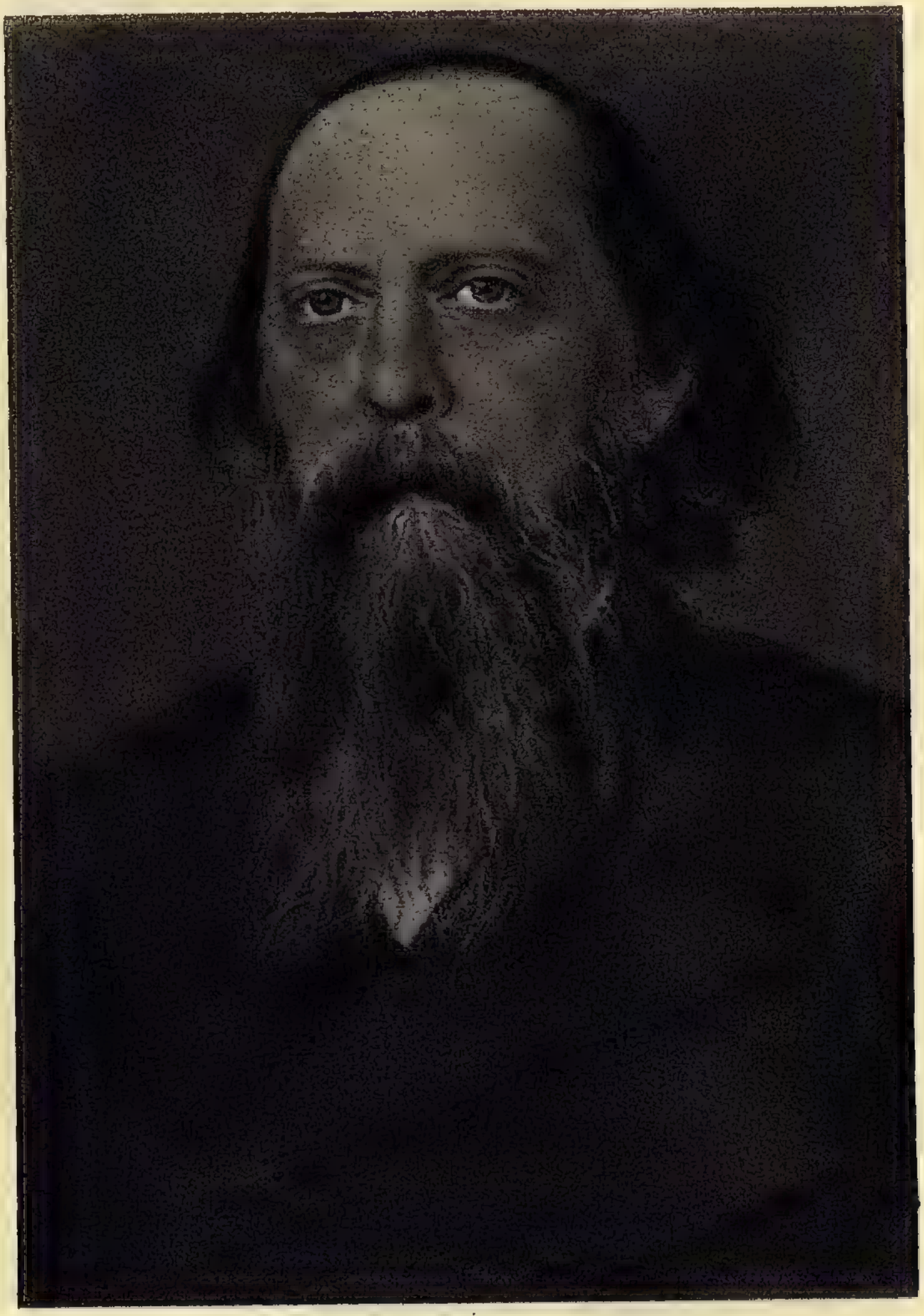
«Убежище Монрепо», 1878—1879

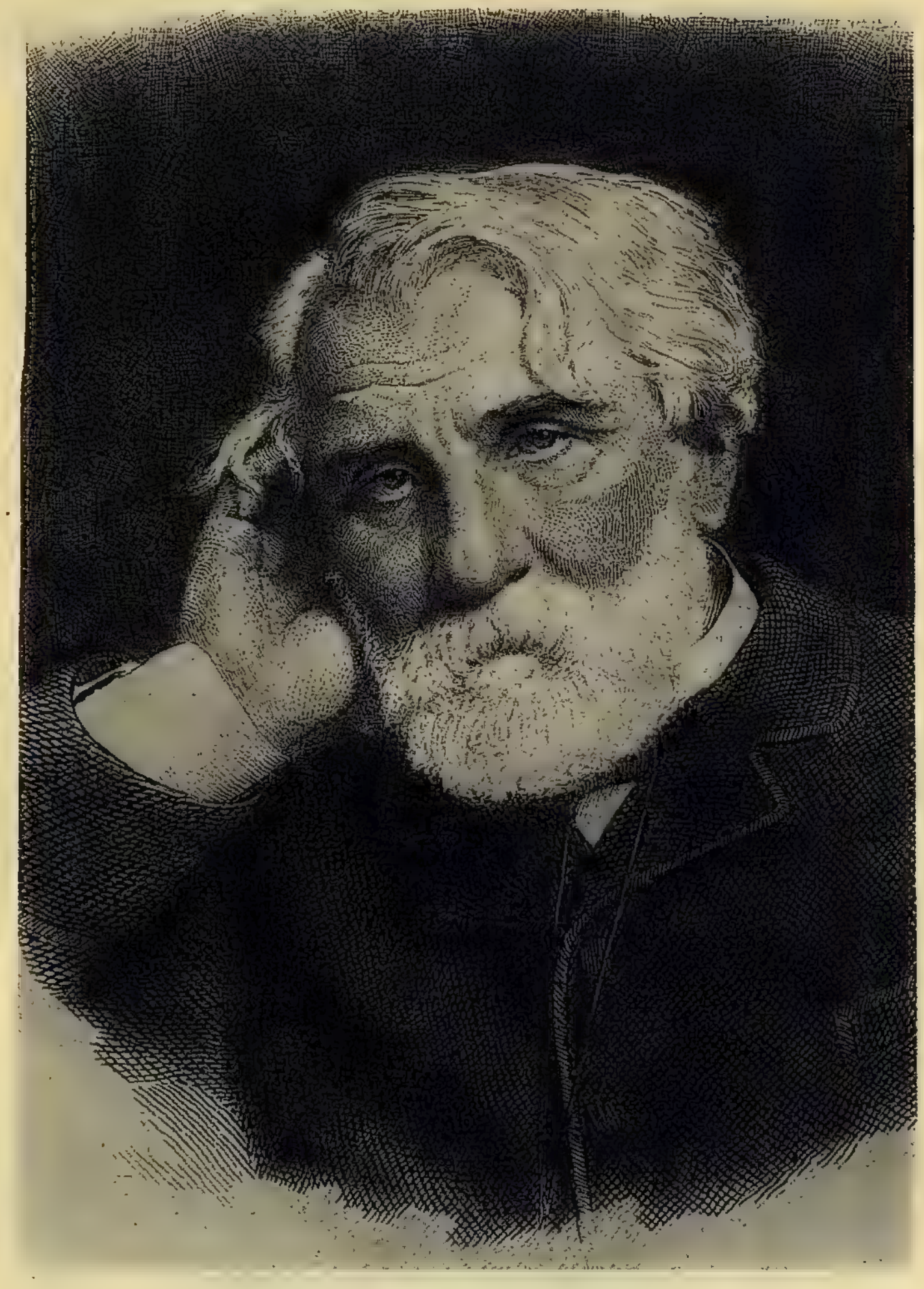
Когда я прохожу мимо берлинского офицера, меня всегда берет оторопь... Не потому жутко, чтоб я боялся, что офицер кликнет городового, а потому, что он всем своим складом, посадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой! Мне кажется, что если б, вместо того, он сказал: я разбойник и сейчас начну тебя свежевать, — мне было бы легче. А то «герой» — шутка сказать...

Наш русский офицер никогда не производил на меня такого удручающего впечатления. Прежде всего, он в объеме тоньше, и грудей у него таких нет; во-вторых, он положительно никому не тычет в глаза: я герой! Русский человек способен быть действительным героем, но это не выпячивает ему груди и не заставляет таращить глаза. Он смотрит на геройство без панибратства и очевидно понимает, что это совсем не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить с собою, в числе прочей амуниции.

«За рубежом», 1880—1881

...История отметила много видов геройства и самоотверженности, но забыла об одном: о геройстве и самоотверженности





Ив Тургенев

русской крестьянской женщины. Это — скромное, беспримерное геройство, никогда не прекращающееся, не ослабевающее: ни при первом крике петела, ни при третьем. Это геройство, замкнутое в тесных пределах крестьянского двора, но всегда стоящее на страже и готовое встретить врага.

«Сон в летнюю ночь», 1875

...Я еще застал людей, у которых в живой памяти были события 1812-го года и которые рассказами своими глубоко волновали мое молодое чувство. То была година великого испытания, и только усилие всего русского народа могло принести и принесло спасение. Но не о таких торжественных моментах я здесь говорю, а именно о тех буднях, когда для усиленного чувства нет повода. По моему мнению, и в торжественные годины, и в будни идея отечества одинаково должна быть присуща сынам его, ибо только при ясном ее сознании человек приобретает право назвать себя гражданином.

Двенадцатый год — это народная эпопея, память о которой перейдет в века и не умрет, покуда будет жить русский народ.

Из «Пошехонской старины», 1887—1888

И. С. Тургенев

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, —ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? — Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

«Русский язык», 1882

...Белинский был вполне русский человек, даже патриот — разумеется не на лад М. Н. Загоскина; благо родины, ее величие, ее слава возбуждали в его сердце глубокие и сильные отзывы. Да, Белинский любил Россию; но он также пламенно любил просвещение и свободу: соединить в одно эти высшие для него интересы — вот в чем состоял весь смысл его деятельности, вот к чему он стремился.

Из «Воспоминаний о Белинском», 1879

А что западнические убеждения Белинского ни на волос не ослабили в нем его понимания, его чутья всего русского, не изменили той русской струи, которая била во всем его существе, — тому доказательством служит каждая его статья[1]. Да, он чувствовал русскую суть, как никто. Не признавая наших лже-классических, лже-народных авторитетов, ни-

---

[1] См. его статьи о Пушкине, о Гоголе, о Кольцове и особенно его статьи о народных песнях и былинах. При слабости и скудости тогдашних филологических и археологических данных, — они поражают читателя глубоким и живым пониманием народного духа и народного творчества. *(Прим. Тургенева.)*

спровергая их, — он в то же время тоньше всех и вернее всех умел оценить и дать уразуметь другим то, что было действительно самобытного, оригинального в произведениях нашей литературы. Ни у кого ухо не было более чутко; никто не ощущал более живо гармонию и красоту нашего языка...

Из «Воспоминаний о Белинском», 1879

...Мы, напротив, находим в языке, созданном Пушкиным, все условия живучести: русское творчество и русская восприимчивость стройно слились в этом великолепном языке, и Пушкин сам был великолепный русский художник.

Именно: русский! Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка — эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений — все эти хорошие черты хороших русских людей, поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иноземцев, которым он стал доступен. Суждения таких иноземцев бывают драгоценны: их не подкупает патриотическое увлечение. «Ваша поэзия», — сказал нам однажды Меримэ, известный французский писатель и поклонник Пушкина, которого он, не обинуясь, называл величайшим поэтом своей эпохи, чуть ли не в присутствии самого Виктора Гюго: «ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске».

...Как бы то ни было, заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь, по своему богатству, силе, логике и красоте формы, признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого; он отозвался типическими образцами, бессмертными звуками, на все веяния русской жизни. Он первый, наконец, водрузил могучей рукою знамя поэзии глубоко в русскую землю.

Отрывки из «Речи на торжественном заседании о-ва любителей Российской словесности по поводу открытия памятника Пушкину», 1880

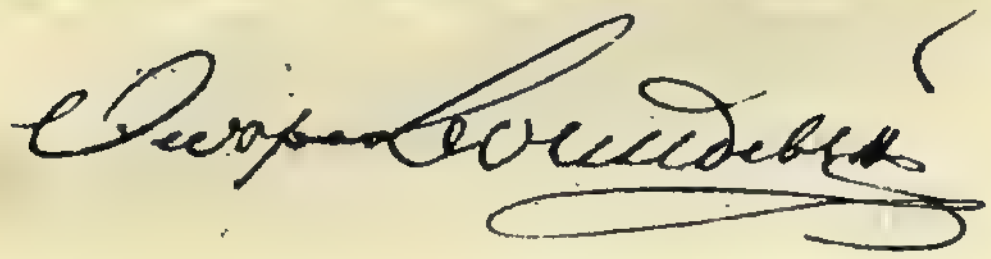
Ф. М. Достоевский

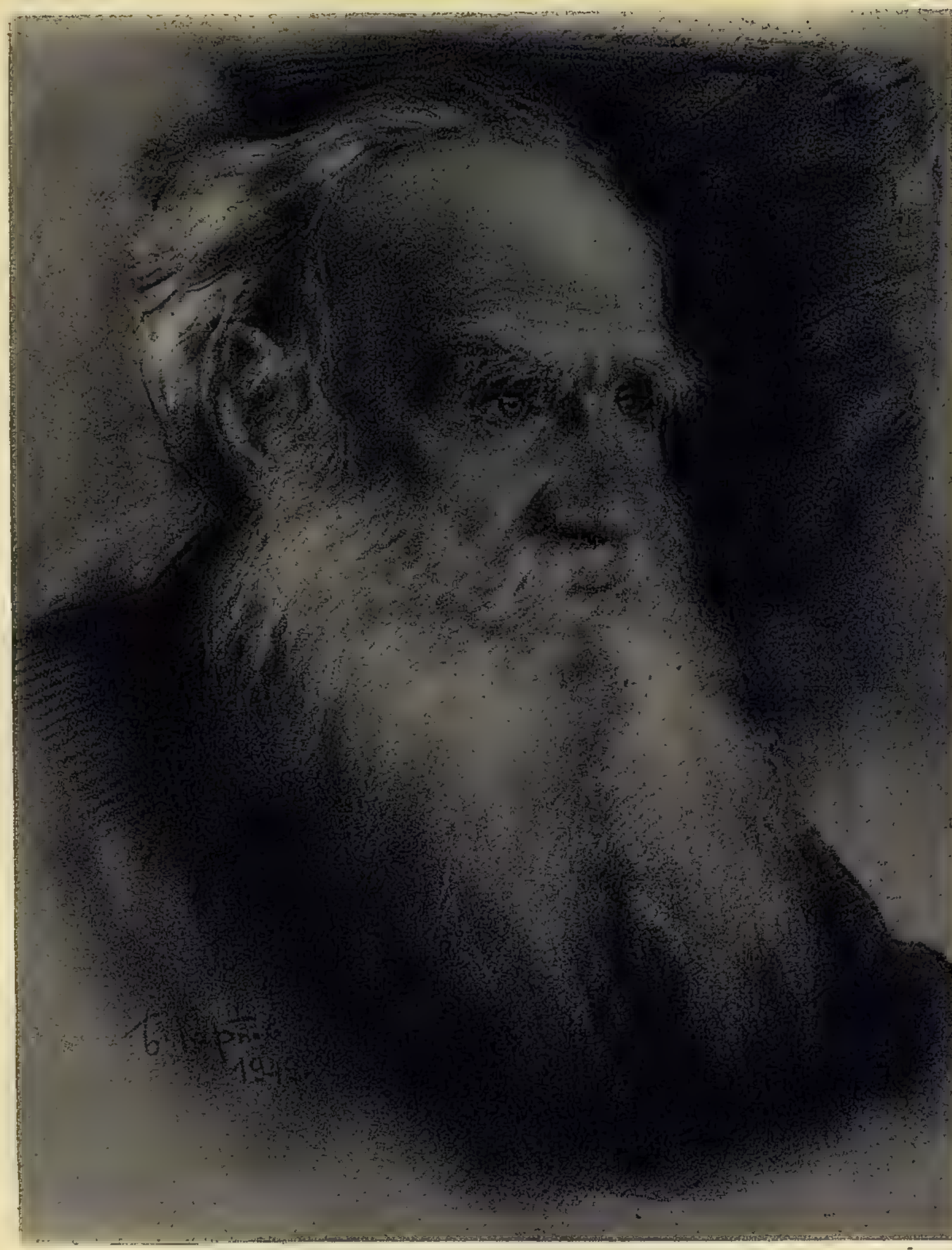
Он [русский человек. — *Ред.*] сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов; тотчас же соглашает, примиряет их в своей идее, находит им место в своем умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, соперническихидеях двух различных европейских наций, — в идеях, которые сами собою, у себя дома, еще до сих пор, к несчастью, не находят способа примириться между собою, а, может быть, и никогда не примирятся. В то же самое время *в русском человеке видна самая полная способность самой здравой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения, вредящего свободе действия.* Разумеется, мы говорим про русского человека вообще, собирательно, в смысле всей нации.

Из «Дневника писателя», 1873

Шекспир, Байрон, Вальтер-Скотт, Диккенс, — роднее и понятнее русским, чем, например, немцам. Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторявшееся в других народах в такой степени, во всю всемирную историю, и если это свойство есть действительно наша национальная русская особенность, — то какой обидчивый патриотизм, какой шовинизм был бы в праве сказать что-либо против этого явления и не захотел, напротив, заметить в нем прежде всего самого широко-обещающего и самого пророческого факта в гаданиях о нашем будущем.

Из «Дневника писателя», 1876





Лев Толстой

Ну, а немцам, что̀, пресса-то их чего всполошилась? А этим то̀, что Россия стоит у них за спиною и связывает им руки, что из-за нее они упустили своевременный момент свести с лица земли Францию уже окончательно, чтобы уж не беспокоиться с нею вовеки. «Россия мешает, Россию надо вогнать в пределы, а как ее вгонишь в пределы, когда, с другого бока, еще цела Франция?» Да, Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские тем, что они русские, т. е. славяне: ненавистно славянское племя Европе, les esclaves, дескать, рабы, а у немцев столько этих рабов: пожалуй, взбунтуются.

Из «Дневника писателя», 1876

Германец уверен уже в своем торжестве всецело и в том, что никто не может стать вместо него в главе мира и его возрождения.

Из «Дневника писателя», 1877

Явное или тайное, но, во всяком случае, беспредельное высокомерие перед русскими, — вот характеристика почти всякого немецкого человека во взгляде на Россию.

Из «Дневника писателя», 1873

Л. Н. Толстой

Въехав на гору и выехав в небольшую улицу деревни, Пьер увидал в первый раз мужиков-ополченцев с крестами на шапках и в белых рубашках, которые, с громким говором и хохотом, оживленные и потные, что-то работали направо от дороги, на огромном кургане, обросшем травою.

Одни из них копали лопатами гору, другие возили по доскам землю в тачках, третьи стояли, ничего не делая.

Два офицера стояли на кургане, распоряжались ими. Увидав этих мужиков, очевидно забавляющихся еще своим новым военным положением, Пьер опять вспомнил раненых солдат в Можайске, и ему понятно стало то, что̀ хотел выразить солдат, говоривший о том, что всем народом навалиться хотят. Вид этих работающих на поле сражения, бородатых мужиков с их странными неуклюжими сапогами, с их потными шеями и кое у кого расстегнутыми косыми воротами рубах, из под которых виднелись загорелые кости ключиц, подействовал на Пьера сильнее всего того, что̀ он видел и слышал до сих пор о торжественности и значительности настоящей минуты.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Тот вопрос, который̀ с Можайской горы и во весь этот день тревожил Пьера, теперь представился ему совершенно ясным и вполне разрешенным. Он понял теперь весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения. Все, что он видел в этот день, все значительные, строгие выражения лиц, которые он мельком видел, осветились для него новым светом. Он понял ту скрытую (latente), как говорится в физике, теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Генералы Наполеона, Даву, Ней и Мюрат, находившиеся в близости этой области огня и даже иногда заезжавшие в нее, несколько раз вводили в эту область огня стройные и огромные массы войск. Но противно тому, что̀ неизменно совершалось во всех прежних сражениях, вместо ожидаемого известия о бегстве неприятеля, стройные массы войск возвращались оттуда расстроенными, испуганными толпами. Они вновь устраивали их, но людей все становилось меньше. В половине дня Мюрат послал к Наполеону своего адъютанта с требованием подкрепления.

Наполеон сидел под курганом и пил пунш, когда к нему прискакал адъютант Мюрата с уверениями, что русские будут разбиты, ежели его величество даст еще дивизию.

— Подкрепления? — сказал Наполеон с строгим удивлением, как бы не понимая его слов, и глядя на красивого мальчика-адъютанта с длинными завитыми черными волосами (так же, как носил волоса Мюрат). «Подкрепления!» подумал Наполеон. — «Какого они просят подкрепления, когда у них в руках половина армии, направленная на слабое, не укрепленное крыло русских!»

— Dites au roi de Naples, — строго сказал Наполеон, — qu'il n'est pas midi et que je ne vois pas encore clair sur mon échiquier. — Allez...[1]

Красивый мальчик-адъютант с длинными волосами, не отпуская руки от шляпы, тяжело вздохнув, поскакал опять туда, где убивали людей...

С разных сторон продолжали прискакивать адъютанты, и все, как бы сговорившись, говорили одно и то же. Все просили подкреплений, все говорили, что русские держатся на своих местах и производят un feu d'enfer[2], от которого тает французское войско...

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Наполеон испытывал тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок, безумно кидавший свои деньги, всегда выигрывавший, и вдруг, именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает.

Войска были те же, генералы те же, те же были приго-

---

[1] Скажите неаполитанскому королю, что еще нет полдня и что я еще недостаточно ясно вижу положение шахмат. Ступайте.

[2] Адский огонь.

товления, та же диспозиция, та же proclamation courte et énergique[1], он сам был тот же, он это знал, он знал, что он был даже гораздо опытнее и искуснее теперь, чем он был прежде, даже враг был тот же, как под Аустерлицем и Фридландом; но страшный размах руки падал волшебно-бессильно.

Все те прежние приемы, бывало неизменно увенчиваемые успехом: и сосредоточение батарей на один пункт, и атака резервов для прорвания линии, и атака кавалерии des hommes de fer[2], все эти приемы уже были употреблены, и не только не было победы, но со всех сторон приходили одни и те же известия о убитых и раненых генералах, о необходимости подкреплений, о невозможности сбить русских и о расстройстве войск.

Прежде, после двух-трех распоряжений, двух-трех фраз, скакали с поздравлениями и веселыми лицами маршалы и адъютанты, объявляя трофеями корпуса пленных, des faisceaux de drapeaux et d'aigles ennemis[3], и пушки, и обозы, — и Мюрат просил только позволения пускать кавалерию для забрания обозов. Так было под Лоди, Маренго, Арколем, Иеной, Аустерлицем, Ваграмом, и так далее, и так далее. Теперь же, что-то странное происходило с его войсками.

Несмотря на известие о взятии флешей, Наполеон видел, что это было не то, совсем не то, что̀ было во всех его прежних сражениях. Он видел, что то же чувство, которое испытывал он, испытывали и все его окружающие люди, опытные в деле сражений. Все лица были печальны, все глаза избегали друг друга. Только один Боссе мог не понимать значения того, что̀ совершалось, Наполеон же после своего долгого опыта войны знал хорошо, — что̀ значило в продолжение 8-ми часов, после всех употребленных усилий, невыигранное атакующим сражение. Он знал, что это было проигранное сражение и что малейшая случайность могла теперь — на той натянутой точке колебания, на которой стояло сражение, — погубить его и его войска...

...Когда он (Наполеон. — *Ред.*) был на Семеновской высоте, начальник артиллерии предложил ему выставить несколько батарей на эти высоты для того, чтоб усилить огонь по столпившимся перед Князьковым русским войскам. Наполеон согласился и приказал привезти ему известие о том, какое действие произведут эти батареи.

Адъютант приехал сказать, что по приказанию императора

---

[1] Прокламация короткая и энергичная.
[2] Железных людей.
[3] Пуки неприятельских орлов и знамен.

200 орудий направлены на русских, но что русские все так же стоят.

— Наш огонь рядами вырывает их, а они стоят, — сказал адъютант.

— Ils en veulent encore[1], — сказал Наполеон охриплым голосом.

— Sir[2], — повторил нерасслушавший адъютант.

— Ils en veulent encore, — нахмурившись, прохрипел Наполеон осиплым голосом, — donnez leur-en![3]...

Не один Наполеон испытывал то похожее на сновиденье чувство, что страшный размах руки падает бессильно; но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена. Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным. Французское нашествие, как разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, так же как и не могло не отклониться вдвое слабейшее русское войско. После данного толчка, французское войско еще могло докатиться до Москвы; но там, без новых усилий со стороны русского войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью от смертельной, нанесенной при Бородине, раны. Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой, Смоленской дороге, погибель 500-тысячного нашествия и погибель Наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Каждый русский человек, не на основании умозаключений, а на основании того чувства, которое лежит в нас и лежало в наших отцах, мог бы предсказать то, что́ совершилось.

---

[1] Им еще хочется!
[2] Государь!
[3] Еще хочется, ну и задайте им.

Начиная от Смоленска, во всех городах и деревнях русской земли, без участия графа Растопчина и его афиш, происходило то же самое, что̀ произошло в Москве. Народ с беспечностью ждал неприятеля, не бунтовал, не волновался, никого не раздирал на куски, а спокойно ждал своей судьбы, чувствуя в себе силы в самую трудную минуту найти то, что̀ должно было сделать. И как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили, оставляя свое имущество; беднейшие оставались и зажигали и истребляли то, что̀ оставалось...

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего...

Из романа «Война и мир», 1863—1869

К 10-ти часам утра 2-го сентября в Дорогомиловском предместье оставались на просторе одни войска ариергарда. Армия была уже на той стороне Москвы и за Москвою.

В это же время, в 10 часов утра 2-го сентября, Наполеон стоял между своими войсками на Поклонной горе и смотрел на открывшееся перед ним зрелище. Начиная с 26-го августа и по 2-ое сентября, от Бородинского сражения и до вступления неприятеля в Москву, во все дни этой тревожной, этой памятной недели стояла та необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце греет жарче, чем весной, когда все блестит в редком, чистом воздухе так, что глаза режет, когда грудь крепнет и свежеет, вдыхая осенний, пахучий воздух, когда ночи даже бывают теплые, и когда в темных, теплых ночах этих, с неба беспрестанно, пугая и радуя, сыплются золотые звезды.

2-го сентября в 10 часов утра была такая погода. Блеск утра был волшебный. Москва с Поклонной горы расстилалась просторно с своею рекой, своими садами и церквами, и, казалось, жила своей жизнью, трепеща как звездами своими куполами в лучах солнца.

При виде странного города с невиданными формами необыкновенной архитектуры, Наполеон испытывал то несколько завистливое и беспокойное любопытство, которое испытывают люди при виде форм не знающей о них, чуждой жизни. Очевидно, город этот жил всеми силами своей жизни...

— Qu'on m'amène les boyards[1], — обратился он к свите. Генерал с блестящею свитой тотчас же поскакал за боярами.

Прошло два часа. Наполеон позавтракал и опять стоял на том же месте на Поклонной горе, ожидая депутацию. Речь его к боярам уже ясно сложилась в его воображении. Речь эта была исполнена достоинства и того величия, которое понимал Наполеон...

Между тем в задах свиты императора происходило шопотом взволнованное совещание между его генералами и маршалами. Посланные за депутацией вернулись с известием, что Москва пуста, что все уехали и ушли из нее...

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Кутузов сидел, спустив одну ногу с кровати и навалившись большим животом на другую, согнутую ногу. Он щурил свой зрячий глаз, чтобы лучше рассмотреть посланного, как будто в его чертах он хотел прочесть то, что занимало его.

— Скажи, скажи, дружок, — сказал он Болховитинову своим тихим, старческим голосом, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку. — Подойди, подойди поближе. Какие ты привез мне весточки? А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так? А?

Болховитинов подробно доносил сначала все то, что̀ ему было приказано.

— Говори, говори скорее, не томи душу, — перебил его Кутузов.

Болховитинов рассказал все и замолчал, ожидая приказания. Толь начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то, но вдруг лицо его ощурилось, сморщилось; он, махнув рукой на Толя, повернулся в противную сторону, к красному углу избы, черневшему от образов.

— Господи, создатель мой! Внял ты молитве нашей...— дрожащим голосом сказал он, сложив руки.— Спасена Россия. Благодарю тебя, господи! — И он заплакал.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, пере-

---

[1] Приведите бояр.

имка транспортов, партизанская война, все это были отступления от правил.

Наполеон чувствовал это и с самого того времени, когда он в правильной позе фехтования остáновился в Москве и вместо шпаги противника, увидал поднятую над собой дубину, он не переставал жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всем правилам (как будто существуют какие-то правила для того, чтоб убивать людей). Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, несмотря на то, что высшим по положению русским людям казалось почему-то стыдным драться дубиной, а хотелось по всем правилам стать в позицию en quarte или en tierce, сделать искусное выпадение в prime и т. д., — дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие.

И благо тому народу, который, не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск.

Прежде, чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии — отсталые мародеры, фуражиры — были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этих людей так же бессознательно, как бессознательно собаки загрызают забеглую бешеную собаку. Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны.

24-го августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова и, вслед за его отрядом, стали учреждаться другие. Чем дальше подвигалась кампания, тем более увеличивалось число этих отрядов.

Партизаны уничтожали великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего дерева — французского войска, и иногда трясли это дерево. В октябре, в то время как французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были сотни. Были партии, перенимавшие все приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казачьи, кавалерийские; были мелкие, сборные, пешие и конные, были мужицкие и помещичьи, никому неизвестные. Был начальником партии дьячок, взявший в месяц несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия. Цель эта достигалась во-первых сама собою, так как французы бежали и потому следовало только не останавливать этого движения. Во-вторых, цель эта достигалась действиями народной войны, уничтожавшей французов, и в-третьих тем, что большая русская армия шла следом за французами, готовая употребить силу в случае остановки движения французов.

Русская армия должна была действовать как кнут на бегущее животное. И опытный погонщик знал, что самое выгодное держать кнут поднятым, угрожая им, а не по голове стегать бегущее животное.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Начиная от Бородинского сраженья, с которого начался его разлад с окружающими, он (Кутузов. — *Ред.*) один говорил, что *Бородинское сражение есть победа,* и повторял это и изустно, и в рапортах, и в донесениях до самой своей смерти. Он один сказал, что *потеря Москвы не есть потеря России.* Он в ответ Лористону на предложения о мире отвечал, что *мира не может быть, потому что такова воля народа;* он один во время отступления французов говорил, *что все наши маневры не нужны, что все сделается само собою лучше, чем мы того желаем, что неприятелю надо дать золотой мост, что ни Тарутинское, ни Вяземское, ни Красненское сражения не нужны, что с чем-нибудь надо притти на границу, что за десять французов он не даст одного русского.*

И он один, этот придворный человек, как нам изображают его, человек, который лжет Аракчееву с целью угодить государю, — он один, этот придворный человек, в Вильне, тем заслуживая немилость государя, говорит, *что дальнейшая война за границей вредна и бесполезна.*

Но одни слова не доказали бы, что он тогда понимал значение события. Действия его — все без малейшего отступления, все направлены к одной и той же цели, состоящей в трех делах: 1) напрячь все свои силы для столкновения с французами, 2) победить их и 3) изгнать из России, облегчая, насколько возможно, бедствия народа и войска.

Он, тот медлитель Кутузов, которого девиз есть терпение и время, враг решительных действий, он дает Бородинское сражение, облекая приготовления к нему в беспримерную торжественность. Он, тот Кутузов, который в Аустерлицком сражении прежде начала его, говорит, что оно будет проиграно, в Бородине, несмотря на уверения генералов в том, что сражение проиграно, несмотря на неслыханный в истории пример того, что после выигранного сражения войско должно отступать, он один, в противность всем, до самой смерти утверждает, что Бородинское сражение — победа. Он один во все время отступления настаивает на том, чтобы не давать сражений, которые теперь бесполезны, не начинать новой войны и не переходить границ России.

Теперь понять значение события, если только не прилагать к деятельности масс целей, которые были в голове десятка людей, легко, так как все событие с его последствиями лежит перед нами.

Но каким образом тогда этот старый человек, один в противность мнению всех, мог угадать так верно значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему?

Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Перед Преображенским полком он остановился, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Кто-то из свиты махнул, чтобы державшие знамена солдаты подошли и поставили их древками знамен вокруг главнокомандующего. Кутузов помолчал несколько минут и видимо неохотно, подчиняясь необходимости своего положения, поднял голову и начал говорить. Толпы офицеров окружили его. Он внимательным взглядом обвел кружок офицеров, узнав некоторых из них.

— Благодарю всех! — сказал он, обращаясь к солдатам и опять к офицерам. В тишине, воцарившейся вокруг него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемые слова: — благодарю всех за трудную и верную службу. Победа

совершенная, и Россия не забудет вас. Вам слава во веки! — Он помолчал, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то, — сказал он солдату, державшему французского орла и нечаянно опустившему его перед знаменем Преображенцев. — Пониже, пониже, так-то вот. Ура! ребята, — быстрым движением подбородка обратясь к солдатам, проговорил он.

— Ура-ра-ра! — заревели тысячи голосов.

Пока кричали солдаты, Кутузов, согнувшись на седле, склонил голову, и глаз его засветился кротким, как будто насмешливым блеском.

— Вот что, братцы, — сказал он, когда замолкли голоса...

И вдруг голос и выражение лица его изменились: перестал говорить главнокомандующий, а заговорил простой, старый человек, очевидно что-то самое нужное желавший сообщить теперь своим товарищам.

В толпе офицеров и в рядах солдат произошло движение, чтоб яснее слышать то, что он скажет теперь.

— А вот что, братцы. Я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите; недолго осталось. Выпроводим гостей, отдохнем тогда. За службу вашу вас царь не забудет. Вам трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего они дошли, — сказал он, указывая на пленных. — Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы их не жалели, а теперь и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?

Он смотрел вокруг себя и в упорных, почтительно недоумевающих, устремленных на него взглядах, он читал сочувствие своим словам: лицо его становилось все светлее и светлее от старческой кроткой улыбки, звездами морщившейся в углах губ и глаз. Он помолчал и как бы в недоумении опустил голову.

— А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им...

Слова, сказанные Кутузовым, едва ли были поняты войсками. Никто не сумел бы передать содержания сначала торжественной и под конец простодушно-стариковской речи фельдмаршала; но сердечный смысл этой речи не только был понят, но то самое чувство величественного торжества в соединении с жалостью к врагам и сознанием своей правоты, выраженное именно этим стариковским, добродушным ругательством, — это самое чувство лежало в душе каждого солдата и выразилось радостным, долго неумолкавшим криком. Когда после этого один из генералов с вопросом о том, не прикажет ли главнокомандующий приехать коляске, обратил-

ся к нему, Кутузов, отвечая, неожиданно всхлипнул, видимо находясь в сильном волнении.

Из романа «Война и мир», 1863—1869

Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах... вам непременно предстоит разочарование, ежели вы в первый раз въезжаете в Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одном лице следов суетливости, растерянности или даже энтузиазма, готовности к смерти, решимости; — ничего этого нет: вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом, так что, может быть, вы упрекнете себя в излишней восторженности, усомнитесь немного в справедливости понятия о геройстве защитников Севастополя, которое составилось в вас по рассказам, описаниям и вида, и звуков с Северной стороны. Но прежде, чем сомневаться, сходите на бастионы, посмотрите защитников Севастополя на самом месте защиты или, лучше, зайдите прямо напротив в этот дом, бывший прежде Севастопольским Собранием и у крыльца которого стоят солдаты с носилками, — вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища...

...Вы проходите по середине постелей и ищете лицо менее строгое и страдающее, к которому вы решитесь подойти, чтобы побеседовать.

— Ты куда ранен? — спрашиваете вы нерешительно и робко у одного старого, исхудалого солдата, который, сидя на койке, следит за вами добродушным взглядом и как будто приглашает подойти к себе. Я говорю: «робко спрашиваете», потому что страдания, кроме глубокого сочувствия, внушают почему-то страх оскорбить и высокое уважение к тому, кто перенес их.

— В ногу, — отвечает солдат; — но в это самое время вы сами замечаете по складкам одеяла, что у него ноги нет выше колена. — Слава богу теперь, — прибавляет он: — на выписку хочу...

В это время к вам подходит женщина в сереньком полосатом платье, повязанная черным платком; она вмешивается в ваш разговор с матросом и начинает рассказывать про него, про его страдания, про отчаянное положение, в котором он был четыре недели, про то, как, бывши ранен, остановил носилки, с тем чтобы посмотреть на залп нашей батареи, как

великие князья говорили с ним и пожаловали ему 25 рублей, и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем, чтобы учить молодых, ежели уже сам работать не может. Говоря все это одним духом, женщина эта смотрит то на вас, то на матроса, который, отвернувшись и как будто не слушая ее, щиплет у себя на подушке корпию, и глаза ее блестят каким-то особенным восторгом.

— Это хозяйка моя, ваше благородие! — замечает вам матрос с таким выражением, как будто извиняется за нее перед вами, как будто говорит: «Уж вы ее извините. Известно, бабье дело — глупые слова говорит».

Вы начинаете понимать защитников Севастополя; вам становится почему-то совестно за самого себя перед этим человеком. Вам хотелось бы сказать ему слишком много, чтобы выразить ему свое сочувствие и удивление; но вы не находите слов или недовольны теми, которые приходят вам в голову, — и вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством... Когда кто-нибудь говорит, что он был на 4-м бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью; когда кто говорит: «я иду на 4-й бастион», непременно заметно в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: «тебя бы поставить на 4-й бастион»; когда встречают носилки и спрашивают: «откуда?», большей частью отвечают: «с 4-го бастиона». Вообще же существуют два совершенно различные мнения про этот страшный бастион: тех, которые никогда на нем не были, и которые убеждены, что 4-й бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него, и тех, которые живут на нем, как белобрысенький мичман, и которые, говоря про 4-й бастион, скажут вам, сухо или грязно там, тепло или холодно в землянке и т. д.... Чтобы итти на 4-й бастион, возьмите направо, по этой узкой траншее, по которой, нагнувшись, побрел пехотный солдатик. По траншее этой встретите вы, может быть, опять носилки, матроса, солдат с лопатами, увидите проводники мин, землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезть только два человека, и там увидите пластунов черноморских батальонов, которые там переобуваются, едят, курят трубки, живут, и увидите опять везде ту же вонючую грязь, следы лагеря и брошенный чугун во всевозможных видах. Пройдя еще шагов триста, вы снова выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудиями на платформах и земляными валами. Здесь

увидите вы, может быть, человек пять матросов, играющих в карты под брустверо́м, и морского офицера, который, заметив в вас нового человека, любопытного, с удовольствием покажет вам свое хозяйство и всё, что для вас может быть интересного. Офицер этот так спокойно свертывает папироску из желтой бумаги, сидя на орудии, так спокойно прохаживается от одной амбразуры к другой, так спокойно, без малейшей афектации говорит с вами, что, несмотря на пули, которые чаще, чем прежде, жужжат над вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно расспрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицер этот расскажет вам, — но только, ежели вы его расспросите, — про бомбардирование 5-го числа, расскажет, как на его батарее только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось 8 человек, и как всё-таки на другое утро 6-го он *палил*[1] из всех орудий; расскажет вам, как 5-го попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек; покажет вам из амбразуры батареи и траншеи неприятельские, которые не дальше здесь, как в 30—40 саженях.

Из севастопольских рассказов «Севастополь в декабре месяце», 1855—1856

Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого, скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства...

Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, — идете с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это убеждение в невозможности взять Севастополь и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так мало-напряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто

[1] Моряки все говорят палить, а не стрелять.

раз больше... они все могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти, вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди беспрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине!

Из севастопольских рассказов «Севастополь в декабре месяце», 1855—1856

Я всегда и везде, особенно на Кавказе, замечал особенный такт у нашего солдата во время опасности умалчивать и обходить те вещи, которые могли бы невыгодно действовать на дух товарищей. Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера... Помню я еще в отряде 1852 года, один из молодых солдат к чему-то сказал во время дела, что уж, кажется, взводу не выйти отсюда, и как весь взвод со злобой напустился на него за такие дурные слова, которые они и повторять не хотели.

Из рассказа «Рубка леса», 1852—1854

...я пришел в класс русской истории, — рассказывалось о Святославе. Им было скучно. На высокой лавке, как всегда, рядом сидели три крестьянские девочки, обвязанные платками. Одна заснула. Мишка толкнул меня: «глянь-ка, кукушки наши сидят, одна заснула». И точно, кукушки. — «Расскажи лучше с конца!» сказал кто-то, и все привстали.

Я сел и стал рассказывать. Как всегда, минуты две продолжались возня, стоны, толкотня: кто под стол, кто на стол,

кто под лавки, кто на плечи и на колени другому, — и все затихло... Я начал с Александра I, рассказал о французской революции, о успехах Наполеона, о завладении им властью и о войне, окончившейся Тильзитским миром. Как только дошло дело до нас, со всех сторон послышались звуки и слова живого участия. «Что ж, он и нас завоюет?» — «Небось Александр ему задаст!» сказал кто-то, знавший про Александра, но я должен был их разочаровать — не пришло еще время; и их очень обидело то, что хотели за него отдать царскую сестру и что с ним, как с равным, Александр говорил на мосту. «Погоди же ты!» проговорил Петька с угрожающим жестом. «Ну, ну, рассказывай! Ну!» Когда не покорился ему Александр, т. е. объявил войну, все выразили одобрение. Когда Наполеон с 12 языками пошел на нас, взбунтовал немцев, Польшу, — все замерли от волнения.

Немец, мой товарищ, стоял в комнате. — «А, и вы на нас!» сказал ему Петька (лучший рассказчик). «Ну, молчи!» закричали другие. Отступление наших войск мучило слушателей, так что со всех сторон спрашивали объяснений: зачем? и ругали Кутузова и Барклая. «Плох твой Кутузов». — «Ты погоди», говорил другой. — «Да что ж он сдался?» спрашивал третий. Когда пришла Бородинская битва, и когда в конце ее я должен был сказать, что мы всё-таки не победили, мне жалко было их: видно было, что я страшный удар наношу всем. «Хоть не наша, да и не ихняя взяла!» Как пришел Наполеон в Москву и ждал ключей и поклонов, — всё загрохотало от сознания непокоримости. Пожар Москвы, разумеется, одобрен. Наконец, наступило торжество — отступление. — «Как он вышел из Москвы, тут Кутузов погнал его и пошел бить», сказал я. — «Окарячил его!» поправил меня Федька, который, весь красный, сидел против меня и от волнения корчил свои тоненькие черные пальцы. Это его привычка. Как только он сказал это, так вся комната застонала от гордого восторга. Какого-то маленького придушили сзади, и никто не замечал. — «Так-то лучше! Вот те и ключи», и т. п. Потом я продолжал, как мы погнали Француза. Больно было ученикам слышать, что кто-то опоздал на Березине, и мы упустили его, Петька даже крякнул: «Я б его расстрелял, сукина сына, зачем он опоздал!» — Потом немножко мы пожалели даже мерзлых французов. Потом, как перешли мы границу и Немцы, что против нас были, повернули за нас, кто-то вспомнил немца, стоявшего в комнате. — «А, вы, так-то? то на нас, а как сила не берет, так с нами?» и вдруг все поднялись и начали ухать на Немца, так что гул на улице был

слышен. Когда они успокоились, я продолжал, как мы проводили Наполеона до Парижа, посадили настоящего короля, торжествовали, пировали. Только воспоминанье Крымской войны испортило нам все дело. «Погоди же ты, — проговорил Петька, потрясая кулаками: — дай я выросту, я же им задам!» Попался бы нам теперь Шевардинский редут или Малахов курган, мы бы его отбили.

Уж было поздно, когда я кончил. Обыкновенно дети спят в это время. Никто не спал, даже у кукушек глазенки горели. Только что я встал, из-под моего кресла, к величайшему удивлению, вылез Тараска и оживленно и вместе серьезно посмотрел на меня. «Как ты сюда залез?» «Он с самого начала», сказал кто-то. Нечего было и спрашивать — понял ли он, видно было по лицу. «Что, ты расскажешь?» спросил я. «Я-то? — он подумал: — всю расскажу». «Я дома расскажу. — И я тоже. — И я». — «Больше не будет?» — Нет.— И все полетели под лестницу, кто обещаясь задать Французу, кто укоряя немца, кто повторяя, как Кутузов его окарячил.

Из педагогических статей «Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы», 1860—1863

В. Я. Брюсов

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы — тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы — тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы — славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чем наше народное право.

Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

«Старый вопрос», 30 июля 1914 г.

Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман.
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.

Весенним приветом согрета,
Так же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «я вернусь!»

Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.

Вздохни же ожиданным мигом,
Друзей возвращенных встречай,

Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.

Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман...
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

«На Карпатах», 15 октября 1914 г.

Освобожденная Россия, —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз в былые годы
Мы различали властный зов:
Зов обновленья и свободы,
Стон-вызов будущих веков!

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп средь долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый, —
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал, — слава!
Недаром жертвы без числа
Россия в дни борьбы кровавой
И в дни былого принесла!
Недаром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколенье
Свой долг исполнило вполне,
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезились во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала, — наконец!

«Освобожденная Россия», март 1917 г.

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукрощенных бурь
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.

Россия! в злые дни Батыя,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От чингизхановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра, —
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, —
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

«России», 1919

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики.
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

«Только русский», 1919

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих,
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышались мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,

И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен,
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

1920

А. А. Блок

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

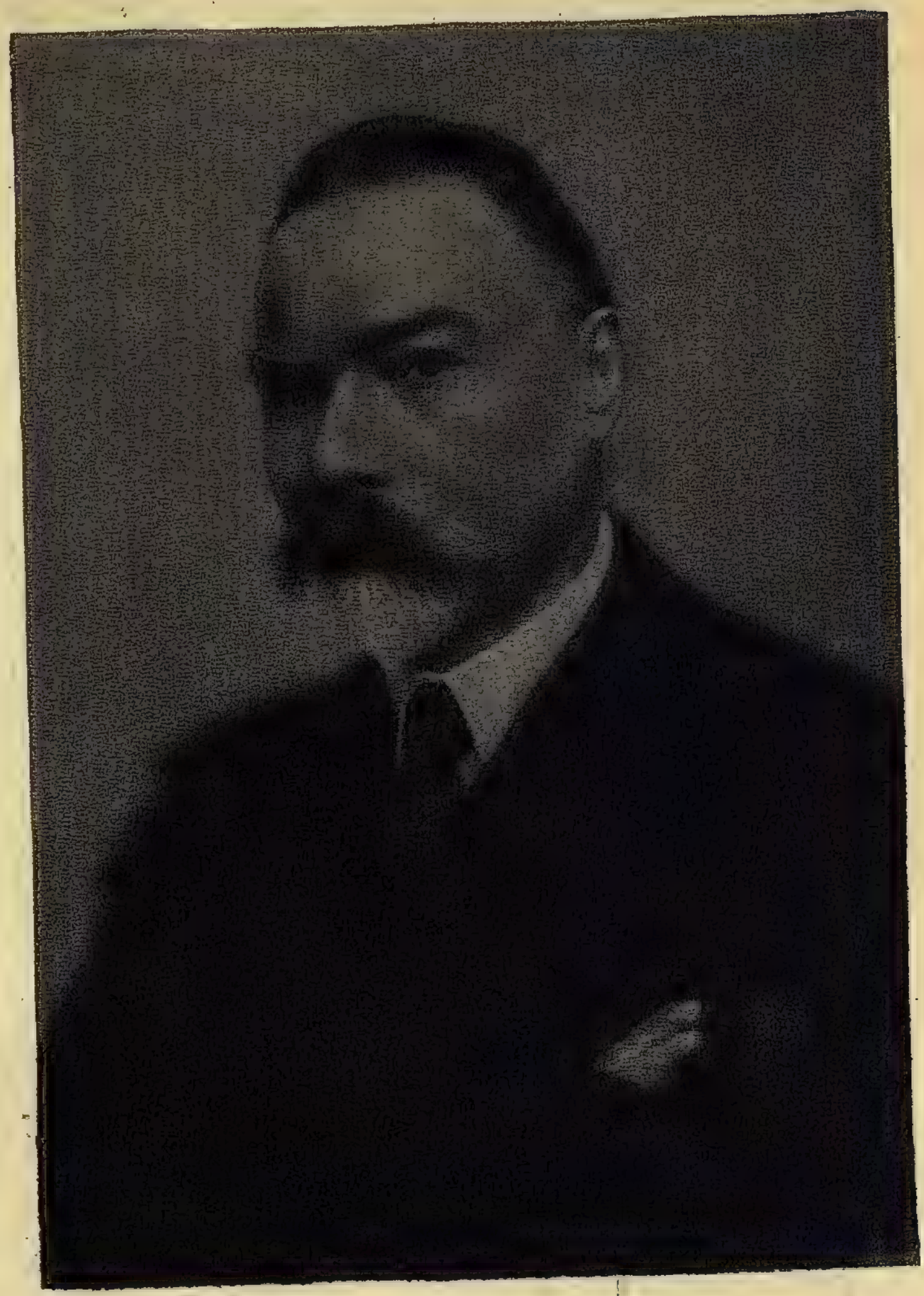
Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Остановись!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Alexander Pope



Валерий Брюсов

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

Из стих. «На поле Куликовом», 7 июня 1908

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

«Новая Америка», 12 декабря 1913

М. Горький

Русский народ, как строительная сила, создал три типа государственного бытия...

Он, нар(од) этот, без помощи государства захватил и присоединил Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр.

Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх.

Он же додумался на 53 г(ода) ранее Дениса Папина до изобретения паровой водоподъемной машины — изобретенной на Урале в 1637 г(оду).

Этим народом сделано много дела, у него есть большая история...

Из «Истории русской литературы», 1907

...Русская наука в XIX—XX вв. мощно влилась в общий поток научно-исследовательской работы Европы...

Из «Ответа интеллигенту», 1931

«Какие хорошие люди, Ниловна! Я говорю о молодых рабочих — крепкие, чуткие, полные жажды все понять. Смотришь на них и видишь — Россия будет самой яркой демократией земли!..»

«Мать», 1906

Человек в наши дни должен быть (и становится) настолько *большим*, чтобы видеть *всю* страну, чтобы жить жизнью *всего нашего* необъятного Союза...

Из «Переписки с читателями», 1930

Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина.

Вот что надобно крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром.

Из речи на I Всесоюзном съезде советских писателей, 1934

В Союзе Советов начато и успешно развивается строительство первого в мире государства социалистического. Трудно выкорчевать из жизни навыки, предрассудки и суеверия, воспитанные в людях веками, но этот процесс выветривания наследий старой, мрачной истории развивается с должной быстротой, и уже мы имеем право сказать, что в Союзе Советов нет такого угла, куда бы не проник революционный дух новой истории.

Он будет действовать еще более решительно и успешно, если пред массой рабочих и крестьян широко развернуть грандиозную и трагическую картину начала новой истории. Начало это — гражданская война 1918—1921 гг., небывалое по силе выражение воли рабочих и крестьян, историческая картина бесчисленных боев голого, голодного, почти безоружного пролетариата с армиями офицеров и буржуазной молодежи, с прекрасно вооруженными армиями, которые защищали власть помещиков, фабрикантов, банкиров. Этими армиями командовали ученые генералы, им помогали капиталисты всей Европы.

История гражданской войны — история победы великой правды, воплощенной в рабочем классе. Эту историю должен знать каждый боец на культурно-революционном фронте, каждый строитель нового мира...

Эта «История» необходима не только старым бойцам, которые теперь, неутомимо работая на стройке социализма, побеждают сопротивление материалов древней человеческой косности, неверие людей в свои силы, не только для того, чтобы они гордо вспоминали свои битвы и победы. Она нужна молодежи нашей для того, чтобы молодежь узнала героизм своих отцов и умела понять, кто дрался за свою избу и корову, кто за свободу рабочего класса, за социализм. Она необходима для миллионов пролетариата всех стран, миллионов, от которых уже недалеки дни великих битв. Эта книга должна быть яркой летописью и вдохновлять на героизм.

В то же время она будет действительной и правдивой историей всех зверств и разрушений, нанесенных нашей стране ее бывшими хозяевами, она должна показать всю мерзость

ненависти хищников, которым сломали лапы и выбили клыки. Она покажет, как подло фабриканты и помещики разрушали хозяйство народа своей страны. Она убедит добродушных и мягкосердечных, что капиталист уже не человек, а существо, в котором безумная жажда наживы выела все мало-мальски человеческое. Эта «История» должна быть книгой итога всей крови, пролитой капиталистами ради того, чтобы только сохранить для себя привычные условия удобной, красивой и насквозь подлой жизни двуногих зверей, воспитанных на пожирании чужой силы.

Это будет книга нашей правды, которая явилась в старый мир, чтоб преобразить его и воскресить к новой жизни.

Из статьи «Народ должен знать свою историю», 1930

Что сделано в Союзе Советов за эти годы? Я не стану говорить о грандиозной работе индустриального вооружения страны, технически отсталой; страны, примитивное хозяйство которой было окончательно разрушено общеевропейской войной капиталистов и затем войной рабочего класса против туземных дикарей и дикарей Европы...

Укажу на широкое развитие — за 15 лет — университетов, научно-исследовательских институтов, на то, как много открыто в эти годы ископаемых сокровищ земли, которые на долгие века обеспечивают ее дальнейший хозяйственный и культурный рост, — все это известно. Не видят этих завоеваний разума и воли только те, кто ослеплен зоологическими интересами и бесчисленными предрассудками класса. Не видят этого те, кому лень видеть, и журналисты, которым хозяева запретили видеть правду.

В Союзе Советов один хозяин,— вот основное его достижение в отличие от буржуазных государств. Этот хозяин —рабоче-крестьянское государство, руководимое организацией учеников Ленина. Цель, которую они поставили перед собою, совершенно ясна: эта цель — создать для каждой единицы 160 млн. разноплеменного населения условия свободного роста ее талантов и способностей. Иными словами, перевести всю массу потенциальной и пассивной нервно-мозговой энергии в активное состояние, разбудить ее творческие способности. Возможно ли это?

Это — осуществляется. Масса людей, перед которыми открыты все пути культуры, выделяет из своей среды десятки тысяч талантливой молодежи во все области приложения энергии: в науку, технику, искусство, в администрацию...

Опираясь на все то, что является в старой культуре непоколебимо ценным, народы Союза Советов смело развивают свое национальное, но общечеловечески ценное. В этом может убедиться всякий, кто пожелал бы обратить внимание на молодую литературу и музыку национальных меньшинств Союза Советов.

Нужно отметить раскрепощение женщины тюркских и тюрко-финских племен, ее стремление к новым формам быта, ее активность.

Законодательная деятельность Союза Советов зарождается и возникает в массе трудового народа, на почве ее трудового опыта и различных изменений трудовой обстановки, — Совет народных комиссаров только формирует опыт и законы и может формировать их только в интересах рабочей массы, — другого хозяина в стране не существует...

Никто не может указать ни одного декрета, изданного Советом народных комиссаров, который не ставил бы целью своей удовлетворение культурных запросов и потребностей трудового народа. Перестраивается Ленинград, — в совещаниях по этому поводу принимают участие врачи, художники, санитары, архитекторы, литераторы и, разумеется, рабочие — представители заводов...

В том случае, если хищники Европы все-таки попробуют совершить разбойничий налет на Союз Советов, их армии встретят бойцы, каждый из которых хорошо знает, что именно он будет защищать...

...В Союзе Советов растет новый человек, и уже безошибочно можно определить его качество.

Он обладает доверием к организующей силе разума, доверием, которое утрачено интеллигентами Европы, истощенными бесплодной работой примирения классовых противоречий. Он чувствует себя творцом нового мира и хотя живет все еще в условиях тяжелых, но знает, что создать иные условия — его цель и дело его разумной воли, поэтому у него нет оснований быть пессимистом. Он молод не только биологически, но исторически. Он — сила, которая только что осознала свой путь, свое значение в истории, и он делает свое дело культурного строительства со всей смелостью, присущей юной, еще не работавшей силе, руководимой простым и ясным учением...

Из статьи «О старом и новом человеке», 1932

...У советской власти нет других интересов, кроме интересов трудового народа. Это единственная в мире действи-

тельно народная власть, и она действительно стремится создать для трудящихся более легкие условия жизни, создать справедливое, социалистическое государство. Что трудовой народ наш понимает цель своей власти, об этом говорит тот факт, что народ охотно отдает свои сбережения на развитие государственного хозяйства. Всякий, кто участвует в займе — участвует в деле укрепления свободы, завоеванной народом ценою своей крови.

Вот что я могу сказать по поводу займа индустриализации. Я говорю это не как политик, а как гражданин своей страны, как человек, для которого счастье его родного народа — его счастье и радость...

Из статьи «О займе индустриализации», 1928

...Никогда, за всю историю человечества не было такой быстроты и силы развития потенциальной энергии трудовых масс, такого мощного процесса превращения ее в энергию кинетическую, актуальную, творческую.

Из «Письма серпуховским рабфаковцам», 1931

...Я думаю, никогда еще в мире, за всю его историю, труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преобразующей людей и жизнь, как обнаруживает он эту силу в наши дни, у нас, в государстве рабочих и крестьян...

Из «Переписки с читателями», 1930

У рабочего, который чувствует себя хозяином производства, естественно, развивается сознание его ответственности перед страной: это сознание заставляет его стремиться к улучшению качества продукции, к снижению ее стоимости.

Из статьи «О старом и новом человеке», 1932

Вы, люди Запада, усвоили по отношению к народам Союза Советов взгляд, который я не могу назвать достойным для людей, думающих о себе, как о носителях культуры, обязательной для всего мира, ибо это — взгляд торговца на покупателя, кредитора на должника. Вы помните, что царская Россия занимала у вас деньги и училась думать, но вы забываете, что займы принесли вашим промышленникам и торгов-

цам весьма жирные проценты, что русская наука в XIX—XX вв. мощно влилась в общий поток научно-исследовательской работы Европы и что теперь, когда ваше творчество в области искусства так явно и печально иссякает, вы живете силами — идеями, образами — русского искусства. Не станете же вы отрицать, что русская музыка и литература наравне с наукой давно уже стали достоянием всего культурного мира. Казалось бы, что народ, который в течение одного века поднял свое духовное творчество на высоту, равную многовековым достижениям Европы, народ этот, ныне получив доступ к свободе творчества, заслуживает более пристального изучения и внимания, чем то внимание, которым он пользуется со стороны интеллектуалистов Европы...

Из «Ответа интеллигенту», 1931

Организованная учением Маркса и Ленина энергия передовых отрядов рабочих и крестьян ведет за собою массу трудового народа Союза Советов к цели, смысл которой выражается в трех простых словах: создать новый мир...

В конечном счете это значит: создать для всех людей и для каждой единицы свободные условия развития своих сил и способностей, создать равную для всех возможность достижения той высоты, до которой поднимаются, излишне затрачивая множество энергии, только исключительные, так называемые «великие люди».

Рабочий класс и крестьянство должны вооружаться, помня, что уже один раз могучая сила Красной Армии победоносно выдержала натиск мирового капитализма, будучи безоружной, голодной, разутой, раздетой и руководимой своими товарищами, не очень знакомыми с хитростью военных действий. Теперь у нас есть Красная Армия, армия бойцов, каждый из которых хорошо знает, за что он будет драться...

Из статьи «Если враг не сдается, — его уничтожают», 1930

Одним из крупнейших и бесспорных достижений советской власти является организация Красной Армии. Интересно было бы подсчитать, сколько грамотных людей дала деревне Красная Армия за эти годы. Сколько из среды бойцов воспитано председателей волостных и сельских комитетов? Сколько бойцов ушло и уходит на рабфаки, в вузы, сколько их работает в красноармейской прессе, сколько создано из них высококвалифицированных рабочих, и вообще: какова цифра куль-

турных людей, воспитанных первой, за всю трагическую историю Европы, действительно народной армией, созданной не для нападения, а для самозащиты?.. Красная Армия не только боевая сила, она — культурная сила. Она является мощной организацией, которая втягивает огромные массы трудового населения Союза Советов в общественную и государственную культурную работу... Готовясь к обороне страны, Красная Армия уже перешла в наступление на хозяйственную и политическую косность массы, на ее древние предрассудки и предубеждения.

Что это так — об этом красноречиво говорит факт отношения крестьянской молодежи к службе в армии. Едва ли где-либо возможно такое отношение к армии, как в Союзе Советов, где молодежь смотрит на армию, как на культурно-воспитательное учреждение. Мне известен ряд случаев, когда группы крестьянской молодежи призывного возраста настойчиво требовали зачисления в бойцы сверх комплекта.

В Союзе Советов боец Красной Армии воспитывается как строитель новой культуры, он не только защитник своего народа, но — во многом и все более — становится учителем его.

Из статьи «О Красной Армии», 1928

У вас есть все, что должно обеспечить вам победу и прежде всего — это ваша энергия. В соединении с сознанием необходимости борьбы она еще более должна возрасти и принять еще более строго организованные формы...

Мы все должны понять себя как Красную Армию пролетариата всего мира, все — работники на полях и на фабриках, работник, вооруженный винтовкой и вооруженный пером. Мы живем уже 13 лет в бою, — это ваш великий будничный, но величавый бой с бесформенным металлом, из которого вы создаете разумные машины, с землей, которую вы заставляете давать обильные урожаи, бой под землей, где вами добывается уголь, бой на транспорте, в зимние ночи, против снежных метелей, — всюду вы ведете бои словом и делом.

И если вам придется выйти на поля битв против старого мира с оружием в руках, — на этот последний бой выйдет первая в мире армия, каждый боец которой будет совершенно точно и ясно знать, за что он борется, кто его действительный враг, будет знать, что враг этот обречен историей на гибель, и что гибель его — начало счастья трудящихся всей земли.

Из статьи «Ураган, старый мир разрушающий», 1931

Чем плотнее она (непримиримость) будет спрессована, тем более сокрушительно и победоносно взорвется в те дни, когда грянет «последний и решительный бой» — неизбежный бой с одичавшим врагом.

Из статьи «Под красными знаменами», 1931

...Защита у него прекрасна — не только потому, что у нее хорошие штыки, но, главное, потому, что ее вооружили непобедимой правдой, ее научили понимать бесчеловечную «простоту» капиталистического государства. Красная Армия не только боевая сила, она — культурная сила.

Из статьи «О Красной Армии», 1928

...Если враг не сдается, — его уничтожают.

Из статьи «Если враг не сдается, — его уничтожают», 1930

В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле.

Как человек, как личность, писатель русский доселе стоял освещенный ярким светом беззаветной и страстной любви к великому делу жизни, литературе, к усталому в труде народу, грустной своей земли. Это был честный боец, великомученик правды ради, богатырь в труде и дитя в отношении к людям, с душой прозрачной, как слеза, и яркой, как звезда бледных небес России.

Из статьи «Разрушение личности», 1908

В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собою феномен изумительный; я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такой силою и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта. Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот, при таких неописуемо тяжких условиях. Это незыблемо устанавливается путем сравнения истории западных литератур с историей нашей; нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России...

Наша литература — наша гордость... в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красы и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников. И все они правдиво и честно, освещая понятое, пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его!

В нашем храме, чаще и сильнее, чем в других, возглашалось общечеловеческое; значение русской литературы признано миром, изумленным ее красотою и силой. Она умела показать Западу изумительное, неизвестное ему явление — русскую женщину, и только она умеет рассказать о человеке с такой неисчерпаемою, мягкою и страстною любовью матери.

Из статьи «Разрушение личности», 1908

...Русский язык неисчерпаемо богат и всё обогащается с быстротой поражающей.

Из статьи «О том, как я учился писать», 1928

...Великолепнейшая, афористическая русская речь, образное и меткое русское слово...

Из «Писем начинающим литераторам», 1930

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И, — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я нередко подмечал в нем черту гордости русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно-чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко-скрытой, радостной любви к рабочему народу.

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

— Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

— Гм-гм, а не забываете вы России, живя на этой шишке?

В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере.

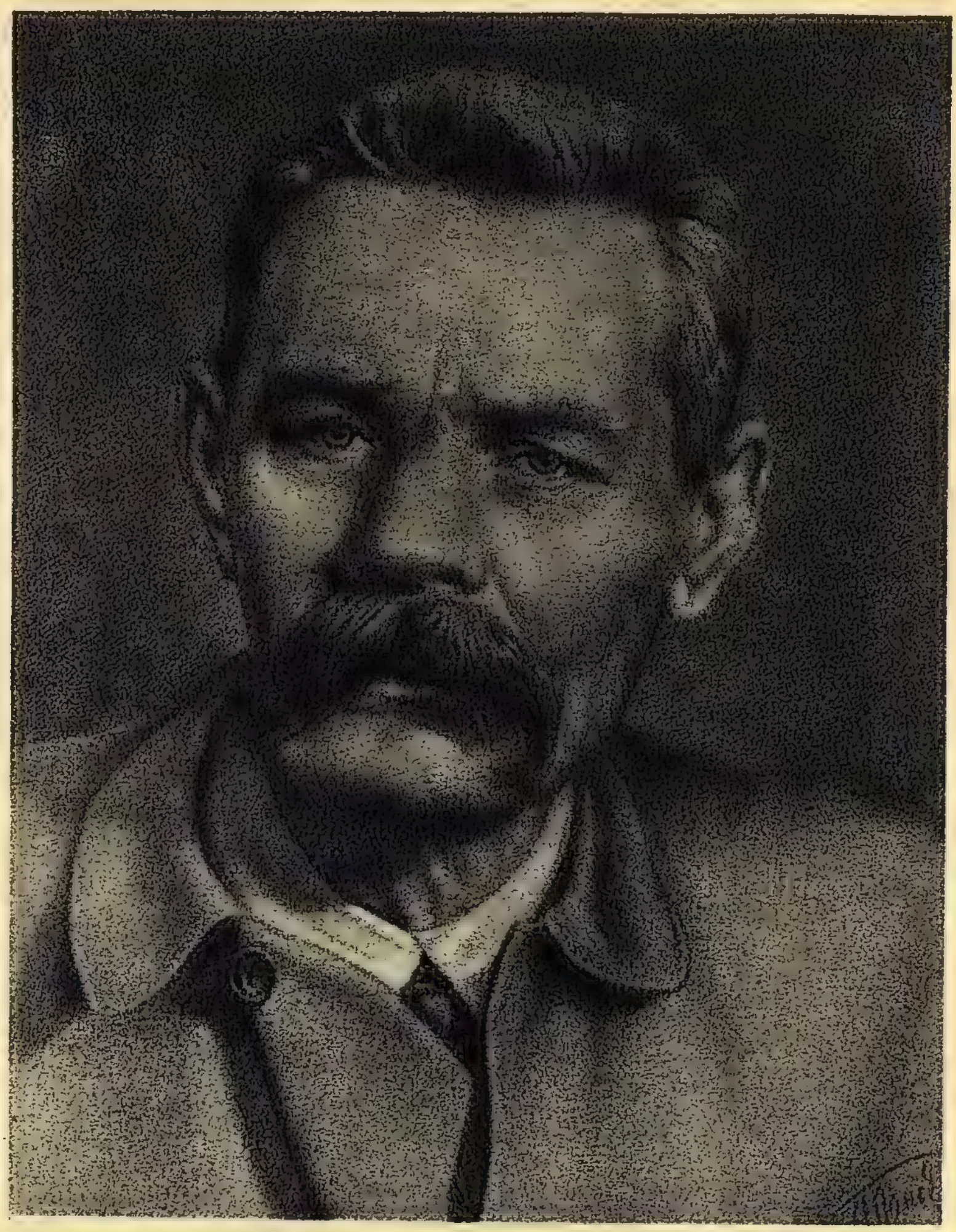
Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своем великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:

— Они своих не знают, а мы знаем.

Из статьи «В. И. Ленин», 1930

Он [В. И. Ленин. —*Ред.*] был русский человек.

Из статьи «В. И. Ленин», 1930



М. Горький

Вл. Маяковский

В. В. Маяковский

Когда
перед тобою
встают фашисты,
обезоруженным
не окажись ты...
Во всех
уголках
земного шара
рабочий лозунг
будь таков:
разговаривай
с фашистами
языком пожаров,
словами пуль,
остротами штыков.

Из стих. «Наглядное пособие», 1927

Под ухом
самым
лестница
ступенек на двести, —
несут
минуты-вестницы
по лестнице
вести.
Дни пришли
и топали:
— Дожили,
вот вам, —

нету
топлив
брюхам
заводовым.
Дымом
небесный
лак помутив,
до самой трубы,
до носа
локомотив
стоит
в заносах.
Положив
на валенки
цветные заплаты,
из ворот,
из железного зёва,
снова
шли,
ухватясь за лопаты,
все,
кто мобилизован.
Вышли
за лес,
вместе
взялись.
Я ли,
вы ли,
откопали,
вырыли.
И снова
поезд
катит
за снежную
скатерть.
Слабеет
тело
без ед
и питья.
Носилки сделали,
руки сплетя.
Теперь
запевай,
и домой можно —

да на руки
положено
пять обмороженных.
Сегодня
на лестнице
грязной и тусклой
копались
обывательские
слухи-свиньи.
Деникин
подходит
к самой
к тульской,
к пороховой
сердцевине.
Обулись обыватели,
по пыли печатают
шопотоголосые
кухарочьи хоры:
— Будет...
крупичатая!..
пуды непочатые...
ручьи — чай,
сухари,
сахары.
Бли-и-изко беленькие,
береги кéренки! —
Но город
проснулся,
в плакаты кадрóванный, —
это
партия звала:
«Пролетарий, на коня!»
И красные
скачут
на юг —
эскадроны
Мамонтова
нагонять.
. . . . . .
От боя к труду —
от труда
до атак, —
в голоде,

в холоде
и наготе
держали
взятое,
да так,
что кровь
выступала из-под ногтей.
Я видел
места,
где инжир с айвой
росли
без труда
у рта моего, —
к таким
относишься
иначе.
Но землю,
которую завоевал
и полуживую
выняньчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,
где каплей
льешься с массами, —
с такою
землею
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на́ смерть!

Хвалить
не заставят
ни долг,
ни стих
всего,
что делаем мы.
Я
пол-отечества мог бы
снести,
а пол —
отстроить, умыв.

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.
Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.
Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая, —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома прорастают.
И меркнет
доверье
к природным дарам
с унылым
пудом сенца̀,
и поворачиваются
к тракторам
крестьян
заскорузлые сердца.
И планы,
что раньше
на станциях лбов
задерживал
нищенства тормоз,

сегодня
встают из дня голубого,
железом
и камнем формясь.
И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!
Я
земной шар
чуть не весь
обошел, —
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.
А в нашей буче,
боевой, кипучей, —
и того лучше.
Вьется
улица-змея.
Дома
вдоль змеи.
Улица —
моя.
Дома —
мои.
Окна
разинув,
стоят
магазины.
В окнах
продукты:
вина,
фрукты.
От мух
кисея.
Сыры
не засижены..
Лампы
сияют..

«Цены
снижены».
Стала
оперяться
моя
кооперация.
Бьем
грошом.
Очень хорошо.
Грудью
у витринных
книжных груд.
Моя
фамилия
в поэтической рубрике.
Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики.
Пыль
взбили
шиной губатой, —
в моем
автомобиле
мои
депутаты.
В красное здание
на заседание.
Сидите,
не совейте
в моем
Моссовете.
Розовые лица.
Револьвер
желт.
Моя
милиция
меня
бережет.
Жезлом
правит,

чтобы вправо
шел.
Пойду
направо.
Очень хорошо.
Надо мною
небо —
синий
шелк.
Никогда
не было
так
хорошо!
Тучи-
кочки
переплыли летчики.
Это
летчики мои.
Встал,
словно дерево, я.
Всыпят,
как пойдут в бои,
по число
по первое.

. . . . . .

Полки
идут
у меня на виду.
Барабану
в бока
бьют
войска.
Нога
крепка,
голова
высока.
Пушки
возятся, —
идут
краснозвездцы.
Приспособил
к маршу
такт ноги:

вра-
ги
ва-
ши —
мо-
и
вра-
ги.
Лезут?
Хорошо.
Сотрем
в порошок.
Дымовой
дых
тяг.
Воздуха̀ береги.
Пых-дых,
пых-
тят
мои фабрики.
Пыши,
машина,
шибче-ка,
вовек чтоб
не смолкла, —
побольше
ситчика
моим
комсомолкам.
Ветер
подул
в соседнем саду.
В ду-
хах
про-
шел.
Как хо-
рошо!
За городом —
поле.
В полях —
деревеньки.
В деревнях —
крестьяне.

Бороды —
веники.
Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
попишет
стихи.
Что ни хутор,
от ранних утр
работа люба́.
Сеют,
пекут
мне
хлеба̀.
Доят,
пашут,
ловят рыбицу;
республика наша
строится,
дыбится.
Другим
странам
по́ сто.
История —
пастью гроба.
А моя
страна —
подросток, —
твори,
выдумывай,
пробуй!
Радость прет.
Не для вас
уделить ли нам?!
Жизнь прекрасна
и
удивительна.
Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года

расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

Из поэмы «Хорошо», 1927

Дрянь адмиральская —
пан
и барон
шли
от шестнадцати
разных сторон.

. . . . . .

Билась
советская
наша страна,
дни
грохотали
разрывом гранат.
Не для разбоя
битва зовет,
мы
защищаем
поля
и завод.
Шли деревенские,
лезли из шахт,
дрались
голодные,
в рвани
и вшах.
Серые шлемы
с красной звездой
белой ораве
крикнули:
Стой!
Били Деникина,
били
Махно, —
так же
любого
с дороги смахнем.

Хрустнул,
проломанный,
Крыма хребет.
Красная
крепла
в громе побед.
С вами
сливалось,
победу растя,
сердце
рабочих,
сердце
крестьян.
С первой тревогою
с наших низов
стомиллионные
встанем на зов.
Землю колебля,
в новый поход
двинут
дивизии
Красных пехот.
Помня
принятие
красных присяг,
лава
Буденных
пойдет
на рысях.
Против
буржуевых
новых блокад
красные
птицы
займут облака.
Крепни
и славься
в битвах веков,
Красная
Армия
большевиков!

«Десятилетняя песня», 1928

Семнадцать и двадцать
нам только и лет.
Придется нам драться,
хотим или нет.
Раз!
    два!
        раз!
            два!
Вверх
        го-
            ло-
                ва!

. . . . . .

Дунули газом,
и парень погас.
Эх,
    кабы сразу
противогаз!
Раз,
    два,
        шаг,
            ляг!
Твер-
        же
            шаг
                в шаг!
Храбрость хвалимую —
в сумку положь!
Хитрую химию,
ученый,
            даешь!
Гром
        рот,
            ать,
                два!
Впе-
    ред,
        брат-
                ва!
Ветром надуло
фабричную гарь.
Орудует Тула —
советский пушкарь.

Раз!
два!
раз!
два!
Вверх
го-
ло-
ва!
Выгладь да выровняй
шрапнельный стакан!
Дисциплинированней
стань у станка.
Дом,
труд,
хлеб
нив
о-
бо-
ро-
ни!
Над пехотинцами
прямо от сохи
взмоет нас птицами
Осоавиахим!
Раз,
два,
шаг,
ляг!
Твер-
же
шаг
в шаг!

«Марш-оборона», 1928

Буржуи
лезут в яри
на самый
небий свод.
Товарищ
пролетарий,
садись на самолет!
Катись
назад,
заводчики,
по облакам свистя.

Мы — летчики
республики
рабочих и крестьян.
Где не проехать
коннице,
где не пройти
ногам, —
там
только
летчик гонится
за птицами врага.
Вперед!
Сквозь тучи-кочки!
Летим,
крылом блестя.
Мы—летчики
республики
рабочих и крестьян!
Себя
с врагом померьте,
дорогу
кровью рдя,
до самой
небьей тверди
коммуну
утвердя.
Наш флаг
меж звезд
полощется,
рабочью
власть
расц .
Мы — летчики,
мы — летчицы
рабочих и крестьян.

Марш из поэмы «Летающий пролетарий», 1925

Помните
раньше
дела провинций? —
Играть в преферанс,
прозябать
и травиться.

Три тысячи три,
до боли скул,
скулили сестры,
впадая в тоску:
В Москву!
В Москву!!
В Москву!!!
В Москву!!!!
Москва белокаменная,
Москва камнекрасная
всегда
была мне
мила и прекрасна.
Но нам ли
столицей одной утолиться?!
Пиджак Москвы
для Союза узок.
И вижу я —
за столицей столица
растет
из безмерной силы Союза.
Где во́роны
вились,
над падалью каркав,
в полотна
железных дорог
забинтованный,
столицей
гудит
украинский Харьков,
живой,
трудовой
и железобетонный.
За горами угля
и рельс
поезда
не устанут свистать.
Блок про это писал:
«Загорелась
Мне Америки новой звезда!»
Где раньше
сушу
китов и акул

лизало
безрыбое море,
в дворцах
и бульварах
ласкает Баку —
того,
кто трудом изморен.
А здесь,
где афиши
щипала коза,
— «Исполнят
такие-то арии»... —
сказанием
встает Казань,
столица
Красной Татарии.
Москве взгрустнулось.
Старушка, што ты?!
Смотри
и радуйся, простолицая:
вылупливаются,
во все Советские Штаты,
новорожденные столицы!

«Три тысячи и три сестры», 1928

... Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.
Не хочу,
чтоб меня, как цветочек с полян,
рвали
после служебных тягот.
Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан.
мне давая
задания на год.
Я хочу,
чтоб над мыслью
времен комиссар
с приказанием нависал.
Я хочу,
чтоб сверх-ставками спеца

получало
любовищу сердце.
Я хочу,
чтоб в конце работы
завком
запирал мои губы
замком.
Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...»

Из стих. «Домой», 1925

Если блокада
нас не сморила,
если
не сожрала
война горяча, —
это потому,
что примером,
мерилом
было слово
и мысль Ильича.
— Вперед,
за республику
лавой атак!
На первый
военный клич!—

Так
велел
защищаться
Ильич!
Втрое,
каждый
станок и верстак,
работу
свою
увеличь!
Так
велел
работать
Ильич.
Наполним
нефтью
республики бак!
Уголь,
расти от добыч!
Так
работать
велел Ильич!
«Снижай себестоимость,
выведи брак», —
гудков
вызывает
зыч, —
так
работать
звал Ильич.
Комбайном
на общую землю наляг.
Огнем
пустыри расфабричь!
Так
советам
велел Ильич.
Сжимай экономией
каждый пятак,
траты
учись стричь, —
так
хозяйничать
звал Ильич.
. . . . . .

Достань
бюрократа
под кипой бумаг,
рабочей
ярости
бич, —
так
бороться
велел Ильич.
Не береги
от критики
лак,
чин
в оправданье
не тычь, —
так
велел держаться
Ильич
«Слева»
не рви
коммунизма флаг,
справа
в унынье не хнычь, —
так
итти
наказал Ильич.
Намордники фашистам!
Довольно
собак
спускать
на рабочую «дичь»!
Так
велел наступать Ильич.
Не хнычем,
а торжествуем и чествуем.
Ленин с нами,
бессмертен и величав.
По вселенной
ширится шествие —
мыслей,
слов
и дел
Ильича.

«Ленинцы», 1930

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
улыбка у рта.
К другим —
отношение плёвое.
С почтеньем
берут, например,
паспорта
с двухспальным
английским лёвою.
Глазами
доброго дядю выев,
не переставая
кланяться,
берут,
как будто берут чаевые,
паспорт
американца.
На польский
глядят,
как в афишу коза.
На польский
выпяливают глаза

в тугой
полицейской слоновости —
откуда, мол,
и что за
географические новости?
И не повернув
головы кочан
и чувств
никаких
не изведав,
берут,
не моргнув,
паспорта датчан
и разных
прочих
шведов.
И вдруг,
как будто
ожогом,
рот
скривило
господину.
Это
господин чиновник
берет
мою
краснокожую паспортину.
Берет —
как бомбу,
берет —
как ежа,
как бритву
обоюдоострую,
берет,
как гремучую
в 20 жал
змею
двухметроворостую.
Моргнул
многозначуще
глаз носильщика,
хоть вещи
снесет задаром вам.

Жандарм
вопросительно
смотрит на сыщика,
сыщик —
на жандарма.
С каким наслажденьем
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.
Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

«Стихи о советском паспорте», 1929

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Слово о полку Игореве 5

О светом светлая, украшеньем украшенная . 9

М. В. Ломоносов 11

А. П. Сумароков 17

Г. Р. Державин 18

Н. М. Карамзин 20

А. Н. Радищев 23

Денис Давыдов 26

К. Ф. Рылеев 27

Ф. Н. Глинка 32

А. С. Пушкин 34

М. Ю. Лермонтов 44

Н. В. Гоголь 50

В. Г. Белинский 58

А. И. Герцен 68

Н. П. Огарев 74

И. С. Никитин 77

Н. Г. Чернышевский 85

Н. А. Добролюбов 91

Н. А. Некрасов 94

М. Е. Салтыков-Щедрин 101

И. С. Тургенев 104

Ф. М. Достоевский 106

Л. Н. Толстой 108

В. Я. Брюсов 124

А. А. Блок 130

А. М. Горький 133

В. В. Маяковский 143

Горбиблиотека

Подписано к печати 31/X 1942 г. А61328.

Тираж 25 000 экз.

12,125 п. л. 8,64 уч.-а. л.

Цена 6 р.

*

Портреты отпечатаны в типографии

„Искра революции“

Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.

*

Набор, печать текста и переплетные

работы —

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР

треста „Полиграфкнига“.

Москва, Валовая, 28.

Заказ № 2318

148

Geschichte